
Глава 4

НАЧАЛО ВОЙНЫ: ДРАМАТИЧЕСКИЙ РАЗВОРОТ

1. За что у нас предают анафеме победителя?

Читатель и без моих – в данном случае излишних – пояснений прекрасно понимает, что обозначенная в данной главе тема не просто чрезвычайно широка и многогранна, но и по существу необъятна. И приступая к ее написанию, я больше всего был озабочен не тем, чтобы осветить как можно больше аспектов темы, а стремлением выделить хотя бы пунктиром наиболее значимые события, которые позволили бы раскрыть роль Сталина в войне. По данной проблематике написан целый океан статей, книг, мемуаров и другой литературы, включая художественные фильмы, литературные произведения, созданы многочисленные полотна художников, памятники архитектуры и т. д. Одно перечисление всего этого заняло бы целый том. Упомянуть лишь некоторые из них, написанные недавно или всего лишь несколько лет назад. Среди них: Лев Безыменский. *Гитлер и Сталин перед схваткой. М. 2000.* Вишлёв О.В. *Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М. 2001.* Вадим Кожинов. *Россия. Век XX (1939–1964). М. 2002.* Владимир Карпов. Генералиссимус. Книга 1, 2. М. 2002. Б. Соловьев, В. Суходеев. *Полководец Сталин. М. 1999.* Юрий Емельянов. *Трагедия Сталина. 1941–1942. Через поражение к победе. М. 2006.* Юрий Емельянов. Маршал Сталин. Творец великой победы. М. 2007. Юрий Емельянов. Сталин перед судом пигмеев. М. 2007. О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. 1941–1945. М. 2004. Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М. 2001. Роберт Иванов. Сталин и союзники. 1941–1945 гг. М. 2000. И.А. Дамаскин . Сталин и разведка. М. 2004. Список работ, посвященных роли Сталина в предвоенный и военный период, без труда можно увеличить во много раз.

Заранее хочу оговориться, что перечень этот далеко не полный, а во многом и произвольный. Пусть читатель не ищет в подборе авторов книг какой-то потенциальный или, тем более, тенденциозный смысл. Задача в данном случае ограничивалась тем, чтобы показать, что о Сталине и его роли в войне написано немало книг, не говоря уже о статьях, которым нет числа. В соответствующих местах по ходу изложения материала мне доведется высказывать свое личное мнение о тех или иных выводах, заключениях и аргументах авторов перечисленных выше книг, а также некоторых других. Отдаю себе отчет в том, что в моей работе неизбежно будут встречаться не столько повторения отдельных сюжетов, уже освещенных в литературе, сколько, так сказать, своеобразная авторская перекличка. Обусловлена она самой логикой освещаемых проблем и в какой-то степени представляется неизбежной. Особенностью же моего освещения указанных проблем является то, что они подаются как составная часть общей политической биографии Сталина. Естественно, это своеобразным обручем стягивало как масштабы, так форму подачи материалов. Ведь военный отрезок сталинской биографии должен

органически вписаться в трехтомник, не нарушая разумных и необходимых пропорций.

Естественно, что я ни в коей мере не собирался соперничать с этим безбрежным океаном, стремясь внести свою лепту в данную тему. Тем более что я несведущ в военных вопросах и мои мнения и заключения по конкретным вопросам выглядели бы непростительным дилетантством и самонадеянностью. К тому же, перед моим мысленным взором неизменно вставали выводы и оценки одних и тех же авторов, точки зрения которых разительно, чаще всего на 180°, изменились в зависимости от политической конъюнктуры. На конкретных примерах мы будем еще не раз иметь возможность проиллюстрировать эту так называемую объективность и верность истине и фактам. Здесь же мне кажется важным отметить именно эту особенность произведений о Сталине и его деятельности в период войны. Второй момент, заслуживающий особого упоминания, — это мемуары, прежде всего видных военачальников, которые сами по себе имеют огромную историческую ценность, но нередко несут на себе следы того времени, когда они издавались. Поэтому читатель также должен постоянно держать в уме данное обстоятельство и сопоставлять различные оценки крупных мемуаристов с логикой фактов и обстоятельствами времени, когда они выходили в свет. Мне встретилось в полемике о роли Сталина в войне одно, на мой взгляд, примечательное мнение читателя, который писал: «Наша военная история, — пишет он, — смотрит в прошедшее через очки полководцев, а это, на мой взгляд, равносильно тому, если бы историю русской литературы написали по превосходным мемуарам Панаевой, Никитенко и т. д., не более того».¹ Можно соглашаться или не соглашаться с приведенным мнением, но отрицать, что в нем содержится большая доля истины, едва ли возможно. Тем более, если примем во внимание, что одни и те же полководцы (тот же Г.К. Жуков) в разное время и по разным поводам давали явно несовместимые друг с другом оценки Сталину как государственному руководителю и Верховному главнокомандующему.

Но оставим пока эту сторону вопроса, ибо будем касаться ее в других местах. Здесь же мне хочется сформулировать главную, исходную позицию, которая определяет принципиальный подход и предопределяет фундаментальные выводы, лежащие в основе данной главы. Никто не может оспорить того факта, что именно под руководством Сталина наша страна одержала победу в самой кровавой и страшной войне в истории человечества. Здесь неуместно ссылаться на банальную истину, что победителей не судят. Их судят часто еще более суровым судом, чем побежденных, ибо история не знает снисхождения к лаврам победителя и не испытывает особой неприязни к позору побежденного. Для нее важна прежде всего истина. А истина такова, что, несмотря на все крупные ошибки, просчеты, а порой и роковые заблуждения, Stalin оказался на высоте в качестве верховного государственного и военного руководителя Советского Союза. Он оказался на высоте тех суровых требований, которые эпоха предъявила нашей стране и ему как ее лидеру. Общая позитивная оценка его роли в Великой Отечественной войне ни в малейшей степени не дает оснований или поводов замалчивать его ошибки и неудачи, его личную вину за крупные поражения, которые потерпела наша армия особенно в первый период войны.

Однако, если судить по нашей либерально-демократической печати, да и не только нашей, но и западной, Сталина судят и осуждают столь сурово и безжало-

¹ Цит. по А.М. Самсонов. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М. 1989. С. 351.

стно, как будто не Гитлер, а он проиграл войну, как будто не над Рейхстагом было водружено Знамя победы, а над Кремлем стало реять победное знамя германского фашизма. Кто-то может возразить: не преувеличивайте, не сгущайте красок! Однако, если вдуматься в суть вещей, в природу серьезнейшей идеино-политической борьбы вокруг наследия победы и вокруг имени Сталина в этой связи, если отбросить всякую вуаль и называть вещи своими подлинными именами, то именно так и обстоит дело. Я лишь без всяких недомолвок и эquivоков выразил свою мысль, и она, эта мысль, гораздо ближе к исторической правде, нежели зауалированные десятками оговорок и хитроумных сомнений оценки, которые доказывают обратное. Сталина судят за победу, приводя самые разные аргументы, но забывают об одном — именно он оказался вождем победившего государства. Естественно, предположить, что это в какой-то степени равнозначно и осуждению самой победы: мол, слишком велика была ее цена, что мы могли разгромить Германию быстрее и эффективнее и т. п. Однако в конечном счете, всякие если бы да кабы — это не инструментарий исторической науки, а средство и орудие идеино-политического противоборства.

Возможно, я и нарушаю законы хронологии и как бы забегаю вперед, но мне казалось правильным и важным с самого начала прямо и недвусмысленно определить свою позицию по рассматриваемым вопросам. Поскольку именно под данным углом зрения я и буду подходить к анализу рассматриваемых проблем и делать соответствующие выводы. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть одно обстоятельство: критики Сталина и социалистического этапа нашей общей истории как неразрывного целого решительно и категорически отрицают объективную и неразрывную связь нашей победы с господствовавшим тогда в нашей стране общественным строем. По их понятиям, выходит, что общественный уклад, существовавший в нашей стране, если и имеет какое-либо отношение к победе в войне, то лишь отрицательное. Но ведь смешно и просто дико искусственно отрывать государственный строй воюющей страны от всех ее усилий по организации войны и достижению победы. В природе не существует таких вещей, какие мерещатся тем, кто с неистребимой ненавистью и упорной ограниченностью пытаются отрицать естественную и органическую взаимосвязь между государством, ведущим самую суровую из всех войн, и существовавшим в ней общественным строем. Ненависть застилает глаза и затуманивает разум тех, кто из-за неприятия социализма готов отбросить как ненужный хлам логику и здравый смысл.

Конечно, я отдаю себе отчет в том, что и противники социализма имеют собственные основания и аргументы, которыми они пытаются подкрепить свои позиции и фундаментальные выводы. Однако, на мой взгляд, совершенно неоспоримым и исторически неопровергнутым является тот основополагающий факт, что если бы нашей стране, согласно политико-стратегическому замыслу Сталина, за предшествовавшие полтора десятилетия до рокового 1941 года не удалось в своей основе создать мобилизационную экономику, ход исторического развития в мире, и особенно для нашей страны, мог принять совершенно иной оборот. Задним числом легко рассуждать о том, что было не сделано или не сделано до конца, какие промахи и ошибки были совершены и какой большой ценой они оплачивались. Но исторический анализ, если он претендует на объективность, должен базироваться на реальных фактах и обстоятельствах, на анализе реально-го положения в мире и в стране, а не на каких-то часто весьма умозрительных предположениях и гипотезах.

Заслуживает внимание еще одно обстоятельство: чем большая временная дистанция отделяет нас от военной эпохи, тем больше разгораются споры и полемика вокруг многих проблем войны и роли и месте Сталина в достижении нашей победы. Это свидетельствует не только о неоднозначности самой проблемы и наличии различных подходов к ее освещению. В определенном смысле указанный факт однозначно свидетельствует о наличии в современном обществе (не побоюсь этого слова) раскола в общественном мнении по данному вопросу. Впрочем, раскол проходит не только по данному вопросу, но и по общему отношению к социалистическому этапу развития нашей страны. Те, кто отрицает историческую связь времен, должны, наконец, уяснить, что общенациональное единство и социальная стабильность едва ли достижимы при наличии такого рода явлений. Ведь два с лишним столетия, прошедшие со времени Великой Французской революции, не раскололи Францию на два противоборствующих лагеря. Годовщина Великой Французской революции с одинаковым энтузиазмом отмечается, можно сказать, всем французским народом, а не только потомками санкюлотов и теми, кто штурмовал Бастилию. Опыт прошлого многих стран с убедительностью доказывает, что уважение к собственной истории, признание не на словах, а на деле неразрывности исторической связи времен является одним из непременных условий развития каждого общества, каждой страны.

В качестве своеобразного личного аргумента сошлюсь на такой факт. Мне довелось побывать недавно в Китае, где я посетил город Сикоу — место рождения лидера гоминьдана Чан Кайши — злейшего и непримиримого врага коммунистов. Так вот, в доме, где он родился разместился огромный музей, который посещают многие тысячи желающих. Как говорится, враг повержен, а память о нем сохраняется, ибо она является неотъемлемой составной частью современной китайской истории.

Не хочу этим примером проводить какие-то аналогии, а тем более превращать этот факт в аргумент. Но он достаточно поучителен. Поверженного врага чтят и учреждают в его честь музеи. А у нас непрерывно разлагольствуют о формулировании национальной идеи и укреплении сплоченности в обществе и в то же время непрерывно поливают потоками грязи весь период социалистического строительства, находя в нем лишь отрицательные стороны. Как говорится, в такой карете истории далеко не уедешь.

Период войны в жизни советского народа, как, разумеется, и в жизни, и в политической судьбе Сталина, занимает, можно сказать, главное место. В конечном счете, именно война определяла судьбу народов нашей страны, как и судьбу самого Сталина не только как руководителя, но и просто как личности. На карту было поставлено все. И речь шла в немалой степени о том, подтверждат ли события правильность основной политико-стратегической линии Сталина, окажутся ли основные направления его политики отвечающими требованиям времени или будут опрокинуты самим развитием событий. Историческая ретроспектива дает право утверждать, что в основе политическая философия вождя выдержала испытание суровыми событиями и в конечном счете оправдала себя. В противном случае все эти планы индустриализации страны ускоренными темпами, проведенная жесткими, подчас преимущественно насилиственно-административными мерами, коллективизация сельского хозяйства, другие жесткие меры, в том числе и широкомасштабные репрессии, нанесшие стране огромный ущерб — словом, вся политическая философия Сталина оказалась бы несостоятельной, построенной на песке. Нисколько не желая преуменьшить характер и масштабы ошиб-

бок, а порой и прямых преступлений, совершенных сталинским режимом, полагаю, что в рамках существовавших реальностей внутреннего и международного плана стратегическая линия Сталина оказалась исторически состоятельной, ибо в противном случае она не смогла бы выдержать столь жестких и суровых испытаний, провалов и поражений. Это, конечно, не равнозначно тому, будто нельзя было избежать всех крайностей сталинской политики и добиться тех же результатов с меньшими жертвами и потерями. В принципе, это так. Хотя кто найдет такие исторические весы, на которых с известной точностью можно было бы все это измерить и сделать достоверные выводы. Вот почему не так легко вести полемику по многим вопросам, касающимся отдельных важных аспектов войны, поскольку аргументация различных сторон, как правило, содержит в себе элементы истины. Я имею в виду действительно объективную полемику, а не заведомо ложные, чаще всего заранее спрограммированные позиции и установки. Учитывая все это, можно с уверенностью утверждать, что споры вокруг проблем войны и роли, которую Сталину самой судьбой было предрешено сыграть в ней, будут продолжаться еще долгое время. По мере того как все больше новых фактов будет становиться достоянием историков, картина будет приобретать все более четкие и конкретные черты. Хотя, на мой взгляд, никакие новые детали уже не смогут подвергнуть принципиальному пересмотру то, что известно сегодня. Отдельные моменты могут быть уточнены, оценки некоторых деятелей пересмотрены или скорректированы, но общий абрис исторической эпохи едва ли претерпит коренные трансформации.

Коснувшись вопроса о конкретных событиях и деталях, я хочу заранее обозначить свою позицию как автора. В настоящей главе я не стану последовательно рассматривать или излагать ход событий, поскольку это просто невозможно и уведет меня от главной темы. А она заключается в том, чтобы в общих чертах раскрыть роль Сталина в войне, сделав акцент прежде всего на его качествах как политического стратега, а не сугубо военного руководителя. Придется неизбежно касаться многих полемических тем, вокруг которых шли и идут баталии как в специальной литературе, так и в средствах массовой информации. Так что сопоставление точек зрения, доводы и контрдоводы, аргументы и контраргументы являются органической частью главы. Пусть читатель не осудит меня за то, что многие аспекты проблемы, часто весьма важные и существенные, остались за скобками моего повествования. Но этому есть не только оправдание, но и объяснение.

Вне всякого сомнения, период войны стал триумфом всей политической карьеры Сталина, причем путь к нему был тернистым, полным опасностей и потрясений. Он стал как бы венцом всей его политической деятельности. Это, однако, не избавило от суда истории, который продолжается и по сей день. Причем, если называть вещи своими именами, то речь идет не о суде истории как таковом, ибо он должен быть беспристрастен и справедлив, должен быть не только выше, но и вообще вне всяких политico-идеологических соображений и мотивов. Иного суда истории и не может быть. Здесь уместно привести слова Платона, который писал об оценке правления в Греции Перикла: “До такой степени, по-видимому, во всех отношениях трудно путем исследования найти истину, когда позднейшим поколениям предшествующее время заслоняет познание событий, а история, современная событиям и лицам, вредит истине, искажая ее, с одной стороны, из зависти и недоброжелательства, с другой – из угодливости и лести”².

² Платон. Избранные жизнеописания. М. 1987. Т. 1. С. 298.

У нас же определенные политico-идеологические силы, исходя из своих собственных интересов, взяли на себя функции Фемиды и выносят произвольные исторические приговоры как отдельным личностям, так и целым историческим эпохам, пережитым нашей страной. Такой подход невозможно оправдать никакими соображениями, ибо он от начала до конца зиждется на заранее заданных выводах и методологии. Я уж не говорю о том, что с особым усердием анафеме предается деятельность Сталина в период войны. Конечно, и победители не застрахованы от исторического суда, но здесь, как и везде, нужно чувство меры и ответственности перед истиной. При любом, самом пристрастном отношении к Сталину как политической фигуре, нельзя скрыть и замолчать тот очевидный факт, что именно под его предводительством народы нашей страны сломали хребет германскому фашизму и освободили от власти нацизма многие страны Восточной Европы. А если говорить с более широких позиций, то именно Советская Россия под руководством Сталина повернула колесо истории в нужную сторону, устранив с исторической арены такого монстра, каким являлся германский фашизм. Иными словами, ход мировой истории во многом оказался именно таким, каким он стал, прежде всего благодаря победе Советского Союза в Великой Отечественной войне. А эта война, в сущности, и составила основное содержание событий второй мировой войны.

Впрочем, как любят шутить некоторые литераторы, наша история непредсказуема. И это проявляется во многом — в том числе и в отношении бывших лидеров страны. Даже тех, кто снискал себе ореол победителя нацизма. Сталину приходится нести это бремя вот уже на протяжении более полувека. И нет сомнений в том, что так будет продолжаться и в обозримом будущем.

Слава, которую он обрел в результате победы, часто оборачивается бесславием и предается незаслуженной анафеме. Причем в качестве едва ли не самого веского аргумента приводится мысль, многократно сформулированная многими мыслителями прошлого. В частности, французским просветителем и писателем Ларошфуко: “Слава великих людей всегда должна измеряться способами, какими она была достигнута”³. Истина, выраженная этими словами, едва ли может быть оспорена всерьез. Однако она не универсальна по своему существу и должна соизмеряться с реалиями исторической эпохи, к которым она применяется. Иными словами, в сфере политической, и особенно в сфере международной, ее толкование требует особой осторожности и избирательности. Поскольку в этих сферах оперировать абстрактными понятиями, конечно, допустимо, но следует делать это не схоластически, отрываясь от реальностей эпохи, о которой идет речь.

Не претендую на конечный вывод мудрости людской, замечу, что как бы лично ни относиться к политическим взглядам Сталина, к его политической философии и общественной практике эпохи, которую ныне либерально-демократические круги величают не иначе, как эпохой тоталитарного строя, военный период был звездным часом Сталина как политика, как военного деятеля и как личности вообще. Как нельзя затмить сияние звезд ясной ночью, так и нельзя отрицать, что именно период войны стал самой блестательной и яркой страницей в сложной и противоречивой жизни и деятельности советского лидера. Причем особую значимость обретает в данном случае то, что он выступал в двух ипостасях одновременно — и как государственного и политического руководителя стра-

³ Библиотека всемирной литературы. Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюэр. Т. 42. М. 1974. С. 50.

ны, так и Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. Война как бы стала экзаменом всех его качеств, в особенности как государственного руководителя и военачальника.

2. Война, которую ожидали и которая оказалась неожиданной

Обстоятельства, которыми сопровождалось нападение фашистской Германии на Советский Союз, и реакция Сталина на события достаточно подробно и профессионально описаны Г.К. Жуковым в его воспоминаниях. Вот его свидетельство:

“Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.

– Приезжайте с наркомом в Кремль, – сказал И.В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркому и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, – ответил С.К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

– Что будем делать? – спросил И.В. Сталин. Ответа не последовало.

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Читайте! – сказал И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

– Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.*

* Здесь стоит привести мнение А.М. Василевского насчет приведения войск в боевую готовность. В своих воспоминаниях он писал: “Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении. Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что, чем раньше были бы приведены Вооруженные Силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг еще при первых признаках агрессивных устремлений Германии. Сделан упрек и мне за то, что я, как они полагают, опустил критику в его адрес.

Не буду подробно останавливаться на крайностях. Скажу лишь, что преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может принести не меньше вреда, чем запоздание с ней”. См. А.М. Василевский. Дело всей жизни. М. 1978 (электронный вариант).

Чтобы у читателя не сложилось превратное представление, будто Василевский в данном случае оправдывает Сталина, замечу, что по ходу изложения событий он как раз и подвергает Сталина критике за то, что тот промедлил с приведением войск в боеготовность, считая это одной из серьезнейших ошибок Сталина в начале войны.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи⁴.

Текст директивы, подписанный 21 июня 1941 г., я цитирую не по воспоминаниям Жукова, по официальному тексту, между которыми имеются существенные различия. Во-первых, это был приказ не всем приграничным округам, а только командующим трех армий Западного округа. Во-вторых, он был подписан также членами военного Совета ЗАПВПО, а не только Тимошенко и Жуковым. В-третьих, у Жукова сказано, что передача приказа была закончена в 00 ч.30 м. 22 июня 1941 г. В примечании же официального документа сказано: "Отправлена 22 июня 1941 г. в 02-25-02-35". Как можно заметить, различия весьма существенные.⁵

Текст телеграммы был следующим:

**"ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАПВО
КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 3-й, 4-й и 10-й АРМИЙ**

22 июня 1941 г.

Передаю приказ Наркомата обороны для немедленного исполнения:

1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко

Жуков

Павлов

Климовский

Фоминых⁶.

Однако события развивались отнюдь не в соответствии с директивами, утвержденными Сталиным. 22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут (по московскому времени) тысячи орудий и минометов германской армии открыли огонь по погра-

⁴ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. С.261-262.

⁵ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 423.

⁶ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 423.

ничным заставам и по расположению советских войск. Немецкие самолеты начали бомбардировку важных объектов во всей приграничной полосе – от Баренцева до Черного моря. Воздушным налетам подверглись многие города, в их числе Мурманск, Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, а также военно-морские базы Кронштадт, Измаил, Севастополь. Бомбардировщики перелетели советскую границу на всех участках одновременно. Первые удары пришлись как раз по местам базирования советских самолетов новейших типов, пунктам управления, портам, складам, железнодорожным узлам. Массированные воздушные удары врага сорвали организованный выход первого эшелона приграничных округов к государственной границе. Сосредоточенная на постоянных аэродромах авиация понесла невосполнимые потери: за первый день войны было уничтожено 1200 советских самолетов, причем большая их часть даже не успела подняться в воздух. За тот же период советские ВВС совершили около 6 тыс. самолето-вылетов и уничтожили в воздушных боях свыше 200 немецких самолетов.⁷

Но советское руководство, в том числе и Сталин, не представляли себе масштабов случившегося. Поэтому утром 22 июня была принята новая, уже общая директива, которая явно не соответствовала реально сложившейся обстановке и развивавшимся событиям. Ее стоит привести как пример того, насколько неверно Сталин, а вместе с ним и высшее военное начальство в лице наркома и начальника Генштаба, оценивали сложившуюся ситуацию. Вот полный текст директивы:

“ДИРЕКТИВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ЛВО, ПРИБОВО, ЗАПОВО, КОВО, ОДВО, КОПИЯ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (СССР)

№2

22 июня 1941 г.

7 ч. 15 мин.

22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз **ПРИКАЗЫВАЮ:**

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

**ТИМОШЕНКО
ЖУКОВ”⁸.**

МАЛЕНКОВ

⁷ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 130.

⁸ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 431.

Едва ли надо говорить о том, что эта директива повисла в воздухе, и события развивались в совершенно ином направлении. Гитлеровские войска продолжали стремительное наступление. В Москве 23 июня 1941 г. было принято решение создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе: Наркома обороны маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, маршала Ворошилова, маршала Буденного и наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе: маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Ка-гановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Малenkova, Мехлиса.⁹

10 июля 1941 г. Ставка Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР была преобразована в ставку Верховного Командования и определена в составе: Председателя Государственного Комитета Обороны т. Сталина, Заместителя Председателя Государственного Комитета Обороны т. Молотова, маршала Тимошенко, Буденного, Ворошилова, Шапошникова, Начальника Генштаба генерала армии Жукова. Одновременно было принято решение об образовании трех главных стратегических направлений – Северо-Западного (главнокомандующий Ворошилов), Западного (Тимошенко) и Юго-Западного (Буденный).¹⁰ 19 июля 1941 г. Сталин был назначен наркому обороны.

Но возвратимся к хронологии развертывавшихся событий. Как страна узнала о начале войны и почему она узнала об этом не из уст самого Сталина? На этот счет существуют различные мнения, которые сводятся к двум основным. Известный историк-диссидент А. Некрич в 1965 году выпустил книгу о начале войны, в которой в пух и прах раскритиковал всю предвоенную политику Сталина и его внешнеполитические действия. Впоследствии в соавторстве с М. Геллером он опубликовал трехтомник об истории Советского Союза. По поводу интересующего нас сюжета там говорится следующее: “Спустя 8 часов после вторжения германских вооруженных сил, в 12 часов дня по радио выступил заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотов, сообщивший гражданам Советского Союза о вероломном нападении Германии. Stalin предпочел не выступать. У него было для этого достаточно причин. Главная из них заключалась в провале его политики – дружбы и сотрудничества с фашистской Германией и подготовки страны к войне. Stalin, который обычно связывал свое имя с достижениями, с победами, вовсе не хотел, чтобы его имя идентифицировалось с поражениями. Stalin был в шоке. Он заперся на своей даче в Кунцеве и фактически самоустранился от государственных дел. Лишь спустя несколько дней он не без нажима со стороны других членов Политбюро (как о том было официально заявлено на XX съезде КПСС в 1956 году) вернулся к исполнению своих обязанностей”¹¹.

Сейчас я не стану касаться вопроса о самоустраниении Сталина от дел, так как сделаю это чуть ниже. Здесь же мне представляется уместным обратиться к историческим источникам, рисующим картину этого эпизода. Главным источником служат архивные записи и свидетельства непосредственного участника тех собы-

⁹ 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 441.

¹⁰ Там же. С. 469-470.

¹¹ Михаил Геллер, Александр Некрич. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. М. 1995. Т.1. С. 407.

тий В.М. Молотова. Молотов вспоминает, что с 10.40 до 11.30 часов 22 июня он оставался наедине со Сталиным. Именно ему Stalin поручил выступить по радио с обращением к советскому народу в связи с началом войны. “— Почему я, а не Stalin? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек — это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

— Ваши слова: “Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами”, — стали одним из главных лозунгов войны.

— Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова, там были и поправки, и добавки, само собой.

— Stalin участвовал?

— Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Stalin очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает¹².

Molotov написал проект выступления, который Stalin лично отредактировал и внес в него существенные дополнения. В этой работе, как свидетельствуют источники, принимали участие и другие члены Политбюро. Дополнения носили принципиальный характер. В частности, Molotov заявил, что “Советское правительство и его глава тов. Stalin поручили мне сделать следующее заявление”. В текст выступления были внесены также следующие принципиальные моменты. В частности, такой: “Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.”

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самодисциплины, достойной настоящего патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом¹³.

Кроме того, подчеркивался призыв к гражданам и гражданкам Советского Союза, “еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина”¹⁴.

Бессспорно, что именно Stalinу принадлежит идея назвать начавшуюся войну отечественной, что имело отнюдь не просто чисто лингвистическое значение, а

¹² Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Molotovym. С. 50–51.

¹³ “Исторический архив”. 1995 г. № 2. С. 39.

¹⁴ Там же.

поднимало ее на уровень всенародной войны, придавало ей общенациональный характер и ставило в один ряд со всей историей освободительной борьбы наших народов, их борьбы за единство и целостность нашего государства. Надо сказать, что предпосылки такого подхода к оценке характера предстоявшей нашей стране войны у Сталина начали формироваться задолго до этого, что я попытался раскрыть во втором томе своего труда. Здесь же они обрели совершенно четкую и полную содержания форму.

Нельзя не отметить и акцента на принципиально новый характер ситуации, требовавшей от всех граждан страны выработки совершенно нового отношения к своим обязанностям и к своему труду. Афористически это выражалось через несколько дней в словах песни — “Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!” И надо сказать, что буквально в считанные дни вся страна превратилась в огромный военный лагерь, который должен был сформировать новые силы для разгрома вторгшегося врага.

Звучали в обращении, правда, в завуалированном виде и некоторые отголоски прежнего классового подхода, когда говорилось, что “эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских предателей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы”¹⁵. Однако этот классовый мотив отступал на задний план перед фактически сформулированной здесь мыслью о создании объединенного фронта борьбы всех порабощенных народов Европы против гитлеровского фашизма. Именно эта идея выступала в качестве доминирующей.

Сопоставляя два варианта — первоначальный, написанный Молотовым, и окончательный, исправленный Сталиным, — чувствуется, как принято говорить, рука мастера. Здесь четко и определенно выражена новая природа войны, необходимость всю страну, весь народ поставить на службу достижения победы и одновременно выражалась принципиальная готовность нашей страны к сотрудничеству со всеми, кто готов бороться с фашистской Германией.

Всякого рода измышления о причинах того, почему Stalin не выступил в первый день войны, вызывают возражения даже таких ярых антисталинистов, как, например, Д. Волкогонов. Он в своей книге о Stalinе писал: “... Думаю, дело обстояло не совсем так. Вопрос об обращении к народу решался ранним утром, когда еще никто в Москве не знал, что мы “в первые часы войны терпим поражение”. О войне, ее угрозе народу часто говорили. Готовились к ней. Но пришла она все равно неожиданно. Stalin было во многом неясно, как развиваются события на границе. Вероятнее всего, он не хотел ничего говорить народу, не уяснив себе ситуации. Stalin никогда до этого, во всяком случае в 30-е годы, не делал крупных шагов, не будучи уверенным в том, как они скажутся на его положении. Он всегда исключал риск, который мог бы поколебать его авторитет, авторитет вождя”¹⁶. Несмотря на общую антисталинскую направленность оценок Волкогонова, в ряде случаев он проявляет уважение к фактам и здравому смыслу, что, однако, не ставит под вопрос в целом тенденциозный характер и направленность его писаний о Stalinе.

¹⁵ “Исторический архив”. 1995 г. № 2. С. 39.

¹⁶ Дмитрий Волкогонов. Stalin. Политический портрет. Книга вторая. М. 1996. С. 161.

3. Находился ли Сталин в состоянии прострации в первые дни войны?

Существует немало мифов и прямых исторических фальсификаций, связанных с освещением роли Сталина как в Великой Отечественной войне в целом, так и в особенности на первых, самых тяжелых ее этапах. Сюда же примыкают и серьезные филиппики в адрес вождя, относящиеся к предвоенному периоду. На ряде таких мифов, а также вполне обоснованных упреков в адрес Сталина и советского военного руководства я уже останавливался в предшествующих главах. В данной и последующих главах я постараюсь дать более или менее аргументированный ответ и на другие обвинения, благо, что их число не только не сокращается с ходом времени, а, наоборот, они становятся все более категорическими, обретая порой характер чуть ли не истины в последней инстанции. Таким примером является, на мой взгляд, следующий.

Российский историк Л.Э. Ларионов в сборнике, специально посвященном историографии сталинизма, опубликовал статью под названием “Суд над генералиссимусом: современные дискуссии о роли Сталина в Великой Отечественной войне”, в которой, можно сказать в лапидарном стиле, суммировал основные обвинения в адрес Сталина. Причем надо отметить, что он неставил перед собой задачей научную разработку и обоснование этих обвинений. Он просто перечисляет их, сопоставляя точки зрения как сторонников, так порой и противников этих исторических грехов, которые обрушаются на голову давно усопшего вождя.

Здесь я приведу лишь 6 из 8 обвинений, которые относятся к общим проблемам руководства военными действиями со стороны Сталина, причем те из них, которые касаются прежде всего первых периодов войны. На двух других я остановлюсь в соответствующих главах, к которым они хронологически относятся.

Итак, автор следующим образом суммирует военные и политические просчеты (читатель сам вправе выбрать любой термин, созвучный его представлениям – преступления, роковые ошибки, безответственность и т. п.). Перечисляю их в том виде, как они даны в книге.

Обвинение 1. Некомпетентность И.В. Сталина как Верховного главнокомандующего в ходе руководства военными действиями.

Обвинение 2. Авторитаризм при руководстве деятельностью Ставки ВГК, подавление личной инициативы других членов Ставки, готовность обрушить на них репрессии вплоть до расстрела, снимая с себя ответственность за собственные ошибки.

Обвинение 3. Неоправданная жестокость и невнимание к гибели миллионов людей, в доказательство чего приводится приказ наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 г.

Обвинение 4. Упорное игнорирование Сталиным данных разведки о намеченном на весну или лето 1941 г. нападении Германии на СССР, оказавшемся из-за этого внезапным.

Обвинение 5. Испуг и растерянность Сталина в первые дни войны, выразившиеся в его самоустраниении от дел и пребывании в прострации то ли в Кремле, то ли на даче в Кунцево.

Обвинение 6. Проявления Сталиным случаев трусости в годы войны, к чему относятся его намерение покинуть Москву осенью 1941 г. и постоянное пребывание в Ставке без выездов на фронт.¹⁷

¹⁷ Историография сталинизма. Сборник статей под ред. Н.А. Симония. М. 2007. С. 246–261.

Позволю себе отступить от хронологии обвинений, выдвигаемых против Сталина, и начну с тех, которые более логично ложатся в ход изложения событий, рассматриваемых в данной главе.

Один из самых пропагандируемых мифов, усердно распространяемых на протяжении уже шести десятилетий, касается поведения Сталина в первые дни (вернее, в первые десять дней) после начала войны. Суть его впервые сформулировал и официально озвучил в своем докладе о культе личности Н. Хрущев в 1956 году. И хотя этот миф многократно опровергался на базе архивных данных, а также в ряде работ о Сталине советских и российских историков, он продолжает жить и зачастую преподносится как неопровергимый факт. Проблема с точки зрения исторической науки видится мне уже решенной вполне однозначно, однако на ней необходимо остановиться, чтобы еще раз показать всю ее фальшивость.

Итак, начнем с Н. Хрущева. В его докладе утверждалось как бесспорная и очевидная истинна: “Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Stalin считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте.

Таким образом, грозная опасность, которая нависла над нашей Родиной в первый период войны, явилась во многом результатом порочных методов руководства страной и партией со стороны самого Сталина.

Но дело не только в самом моменте начала войны, который серьезно дезорганизовал нашу армию и причинил нам тяжкий урон. Уже после начала войны та нервозность и истеричность, которую проявлял Stalin при своем вмешательстве в ход военных операций, наносили нашей армии тяжелый урон.

Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах”¹⁸.

Уже находясь на пенсии, Хрущев продиктовал свои воспоминания, в которых легенда о том, что Stalin в первые дни войны находился в состоянии пропастрии и пытался отказаться от руководства страной, была изложена более детально, опять-таки со ссылками на других лиц. Хрущев утверждал: “в моральном отношении Stalin был просто парализован неизбежностью войны. Он, видимо, считал, что война приведет к неизбежному поражению СССР. Потом я скажу, как Stalin вел себя в первый день войны и что он сказал тогда. Об этом мне потом рассказывали Beria, Malenkov, Mikoyan и другие товарищи, которые в это время были вместе со Сталиным...

Сталин, думаю, страдал тогда болезнью одиночества, боялся пустоты, не мог оставаться один, и ему обязательно нужно было быть на людях. Его голову, видимо, все время свирлил вопрос о неизбежности войны, и он не мог побороть страх перед нею. Он тогда сам начинал пить и спаивать других с тем, чтобы, как говорится, залить сознание вином и таким образом облегчить свое душевное состояние...

¹⁸ Культура и власть. От Сталина до Горбачева. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. С. 88–89.

Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же лично Сталина пока что не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом уже, днем в то воскресенье, выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом выступлении сейчас вряд ли нужно, потому что все это уже описано и все могут ознакомиться с событиями по газетам того времени. То, что выступил Молотов, а не Stalin, — почему так получилось? Это тоже заставляло людей задумываться. Сейчас-то я знаю, почему Stalin тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями...

Потом уже, после войны, я узнал, что, когда началась война, Stalin был в Кремле. Это говорили мне Beria и Malenkov.

Beria рассказал следующее: когда началась война, у Stalin собирались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Stalin. Stalin морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: "Началась война, она развивается катастрофически. Lenin оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его про...". Буквально так и выразился. "Я, — говорит, — отказываюсь от руководства", — и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу. "Мы, — рассказывал Beria, — остались. Что же делать дальше? После того как Stalin так себя показал, прошло какое-то время, посовещались мы с Molotovым, Kaganovichem, Voroshilovym (хотя был ли там Voroshilov, не знаю, потому что в то время он находился в опале у Stalin из-за провала операции против Финляндии). Посовещались и решили поехать к Stalinу, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны. Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Beria) по его лицу увидел, что Stalin очень испугался. Полагаю, Stalin подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию? Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная страна, что мы имеем возможность организоваться, мобилизовать промышленность и людей, призвать их к борьбе, одним словом, сделать все, чтобы поднять народ против Hitlera. Stalin тут вроде бы немного пришел в себя. Распределили мы, кто за что возьмется по организации обороны, военной промышленности и прочего".

Я не сомневаюсь, что высказанное — правда. Конечно, у меня не было возможности спросить Stalin, было ли это именно так. Но у меня не имелось никаких поводов и не верить этому, потому что я видел Stalin как раз перед началом войны. А тут, собственно говоря, лишь продолжение. Он находился в состоянии шока¹⁹.

Прежде чем дать свою собственную оценку изложенному выше, полагаю, что целесообразно в полном виде привести здесь отрывок из воспоминаний непосредственного участника тех событий, чтобы данная версия была изложена с исчерпывающей полнотой и чтобы не было возможности упрекать автора в том, будто он пытается умолчать о важных свидетельствах. Речь идет о воспоминаниях A.I. Mikoyana, в которых рисуется следующая картина всего происходившего в те дни.

A.I. Mikoyan писал: "Stalin в подавленном состоянии находился на ближней даче (в Волынском, в районе Кунцево).

¹⁹ H.C. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. I. С. 282, 289, 300, 301.

Обстановка на фронте менялась буквально каждый час. В эти дни надо было думать не о том, как снабжать фронт, а как спасти фронтовые запасы продовольствия, вооружения и т. д. На седьмой день войны фашистские войска заняли Минск. 29 июня, вечером, у Сталина в Кремле собирались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Stalin позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Stalin предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке.

В наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи — никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Stalin взорвался: “Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?”

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые.

Главным тогда было восстановить связь. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик — это Stalin предложил, потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали развиваться сравнительно неплохо. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. А из Белоруссии открывался прямой путь на Москву. Stalin был очень удручен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: “Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали...” Мы были поражены этим высказыванием Stalin. Выходит, что все безвозвратно потеряно? Посчитали, что это он сказал в состоянии эффекта.

Через день-два, около четырех часов, у меня в кабинете был Вознесенский. Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов, Берия. Мы их застали за беседой. Берия сказал, что необходимо создать Государственный Комитет Обороны, которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции правительства, Верховного Совета и ЦК партии. Мы с Вознесенским с этим согласились.

Договорились во главе ГКО поставить Stalin, об остальном составе ГКО при мне не говорили. Мы считали, что само имя Stalin настолько большая сила для сознания, чувств и веры народа, что это облегчит нам мобилизацию и руководство всеми военными действиями. (Выделено мной — Н.К.) Решили поехать к нему. Он был на ближней даче.

Molotov, правда, сказал, что Stalin в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: “Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем”, — то есть в том смысле, что если Stalin будет себя так вести и дальше, то Molotov должен вести нас, и мы пойдем за ним.

Другие члены Политбюро подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания. У нас была уверенность в том, что мы смо-

жем организовать оборону и сражаться по-настоящему. Однако это сделать будет не так легко. Никакого упаднического настроения у нас не было. Но Вознесенский был особенно возбужден.

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: "Зачем пришли?" Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Обороны. "Кто во главе?" — спросил Stalin. Когда Молотов ответил, что во главе — он, Stalin, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. "Хорошо", — говорит потом. Тогда Beria сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны. "Вы, товарищ Stalin, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я", — добавил он.

Stalin заметил: "Надо включить Mikояna и Вознесенского. Всего семь человек утвердить". Beria снова говорит: "Товарищ Stalin, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнаркоме, Госплане? Пусть Mikоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане". Вознесенский поддержал предложение Stalina, Beria настаивал на своем, Вознесенский горячился. Другие на эту тему не высказывались.

Впоследствии выяснилось, что до моего с Вознесенским прихода в кабинет Молотова Beria устроил так, что Молотов, Маленков, Ворошилов и он, Beria, согласовали между собой это предложение и поручили Beria внести его на рассмотрение Stalina.

Я считал спор неуместным. Зная, что и так как член Политбюро и правительства буду нести все равно большие обязанности, сказал: "Пусть в ГКО будет 5 человек. Что же касается меня, то кроме тех функций, которые я исполняю, дайте мне обязанности военного времени в тех областях, в которых я сильнее других. Я прошу назначить меня особо уполномоченным ГКО со всеми правами члена ГКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим". Так и решили.

Вознесенский попросил дать ему руководство производством вооружения и боеприпасов, что также было принято. Руководство по производству танков было возложено на Молотова, авиационная промышленность — на Маленкова. На Beria была оставлена охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством.

1 июля постановление о создании Государственного Комитета Обороны во главе со Stalinem было опубликовано в газетах.

Вскоре Stalin пришел в полную форму, вновь пользовался нашей поддержкой. 3 июля он выступил по радио с обращением к советскому народу²⁰.

Кому-то может показаться, что нет резона комментировать эти свидетельства с точки зрения их достоверности и соответствия историческим фактам. Можно доверять или не доверять этим свидетельствам, но подвергнуть их хотя бы самому общему анализу безусловно стоит.*

²⁰ Анастас Mikояn. Так было. Размышления о минувшем. M. 1999. С. 389–392.

* Это тем более необходимо, что некоторые авторы, особенно западные, утверждают: "что якобы Stalin в начале войны был на отдыхе в Гаграх, находился в состоянии прострации и оставил страну на произвол судьбы. Пил до потери сознания". (Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 569.)

Во-первых, полностью по ряду моментов чисто архивными документами опровергается утверждения и Хрущева, и Микояна о том, что Сталин в первые дни войны самоустранился от руководства, находился в состоянии прострации и фактически пустил ход дел на произвол. Журнал посетителей кремлевского кабинета Сталина, в котором скрупулезно фиксировались все лица, посещавшие кабинет Сталина в Кремле, а также время их прихода и ухода, неопровергимо свидетельствуют о том, что все дни, начиная с 20 июня, вплоть до 29 июня в кабинет Сталина вызывались десятки людей (как военных, так и гражданских), с которыми обсуждались и решались важнейшие вопросы, которые ставило развитие событий на фронте.²¹ Ясно, что говорить о прострации Сталина и его самоустраниении от дел на фоне приведенных фактов – по меньшей мере, явная фальсификация.

Конечно, свидетельства тех, кто писал или говорил о подавленности Сталина, о том, что он тяжело переживал столь трагический разворот начала войны, едва ли можно поставить под сомнение. Об этом, в частности, говорил и Молотов, стоявший тогда на второй ступеньке государственной иерархии. На вопрос писателя Ф. Чуева:

– Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял, – Молотов ответил:

– Растерялся – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал – нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, – как кающегося грешника его изображают!

Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи, он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять...

Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу, это было на второй или на третий день. По-моему, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню.

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

– Как держался?

– Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо.

– А вот Чаковский пишет, что он...

– Что там Чаковский пишет, я не помню, мы о другом совсем говорили. Он сказал: “Прос...ли”. Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Это я хорошо помню, поэтому и говорю. “Все прос...ли”, – он просто сказал. А мы прос...ли. Такое было трудное состояние тогда. Ну я старался его немножко ободрить”²².

В качестве еще одного аргумента приведу ответ Л. Кагановича на тот же вопрос Ф. Чуева.

“Спрашивая о 22 июня 1941 года:

– Был ли Сталин растерян? Говорят, никого не принимал?

– Ложь! Мы-то у него были... Нас принимал. Ночью мы собирались у Сталина, когда Молотов принимал Шулленбурга. Сталин каждому из нас сразу же дал задание – мне по транспорту, Микояну – по снабжению.

И транспорт был готов! Перевезти пятнадцать-двадцать миллионов человек, заводы... Сталин работал. Конечно, это было неожиданно. Он думал, что англо-американские противоречия с Германией станут глубже, и ему удастся еще на некоторый срок оттянуть войну. Так что я не считаю, что это был просчет. Нам

²¹ “Исторический архив”. 1996 г. № 2. С. 51-54.

²² Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 51–52.

нельзя было поддаваться на провокации. Можно сказать, что он переосторожничал. Но и иначе нельзя было в то время...

Я сначала думал, что Сталин считал, когда только началась война, что, может, ему удастся договориться дипломатическим путем. Молотов сказал: "Нет". Это была война, и тут уже сделать было ничего нельзя"²³.

Итак, если проследить день за днем первые десять суток войны, то становится очевидным, что Сталин неизменно оставался на своем посту, возглавляя руководство. Не зафиксированными в дневнике посетителей его кремлевского кабинета остались лишь два дня – 29 и 30 июня. Хотя, как свидетельствует Микоян, именно Сталин 29 июня предложил поехать в наркомат обороны, чтобы на месте выяснить обстановку. Возможно, члены руководства собирались в тот день не в кабинете, а на квартире Сталина и оттуда поехали в наркомат обороны. Таким образом, отсутствие записи от 29 июня находит в каком-то смысле свое объяснение.

Что же касается 30 июня, то здесь можно строить лишь более или менее обоснованные предположения и гипотезы. Критики Сталина начисто отбрасывают два момента: во-первых, все эти дни Сталин был серьезно болен. Как пишут авторы книги о Сталине как полководце Б. Соловьев и В. Суходеев, "теперь не секрет, что И. В. Сталин во второй половине июня 1941 года был мучительно болен. В субботу, 21 июня, когда у него температура поднялась до сорока градусов, в Волынское (ближнюю дачу) был вызван профессор Б.С. Преображенский, много лет лечивший И.В. Сталина. Осмотрев больного, профессор поставил диагноз – тяжелейшая флегмонозная ангина и настаивал на немедленной госпитализации. Однако И.В. Сталин наотрез отказался от больницы. При этом попросил Б.С. Преображенского на всякий случай не выезжать на выходной день из Москвы. И поставил условие, чтобы профессор о своем диагнозе никому не говорил"²⁴.

Можно предположить, что тяжелое физическое состояние заставило Сталина остаться на даче. Но главное, как мне представляется, он хотел в спокойной обстановке подготовить программную речь, с которой ему предстояло выступить перед народом буквально через два дня. Такие речи не произносятся экспромтом, ибо вождь должен был объяснить всему народу причины неудач Красной Армии и четко сформулировать важнейшие задачи страны в новых условиях военного положения. Для этого требовалось время и возможность собраться с мыслями, чтобы дать правдивое объяснение причин всего происходящего. Те, кто утверждает, что Сталин избегал говорить о поражениях и своей вине за них, могут еще раз прочитать его выступление от 3 июля, чтобы убедиться в надуманности своих злопыхательских утверждений.

Стоит упомянуть еще одно обстоятельство: вождь, конечно же, был потрясен и в определенной степени подавлен ходом развития событий, которое после войны он назовет "моментами отчаянного положения" и прямо заявит о том, что "у нашего правительства было немало ошибок".²⁵ Так что какие-то элементы растерянности и противоречивости в принятии решений со стороны Сталина отрицать было бы нелепо. Но не менее нелепо расценивать эти проявления как простианию, а тем более как готовность пойти даже на отказ от руководства. Не таков был характер Сталина как человека и государственного деятеля, чтобы впа-

²³ Феликс Чуб. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М. 1992. С. 88.

²⁴ Б. Соловьев, В. Суходеев. Полководец Сталин. М. 1999. С. 56.

²⁵ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946. С. 196.

дать в состояние прострации. Отнесем эти преувеличения на счет тех, кто во что бы то ни стало стремится доказать, что именно они вывели Сталина из данного состояния. Здесь уместно привести оценку английского биографа Сталина Я. Грея, который неплохо знал нашу страну и нашу историю и был лишен такой поистине заразной для исследователей прошлого болезни, как тенденциозность и предвзятость в выводах. Так вот, он, ставя под сомнение распространяемые версии по поводу того, что в первые дни войны Stalin фактически самоустранился от руководства и находился в состоянии прострации, писал в своей книге: "Фактически Stalin никогда не руководил более энергично и деятельно, чем в эти критические дни, когда казалось, что крах неминуем"²⁶.

Несколько слов по поводу формирования Государственного Комитета Обороны, к чему Stalin имел якобы чуть ли не косвенное отношение. Не располагая какими-либо документальными данными, я не рискну утверждать, что все рассказанное по этому поводу А.И. Микояном — всего лишь взгляд на произошедшее с высоты прошедших десятилетий. Хотя, возможно, это и так на самом деле. Но в силу понимания всей политической философии Сталина, анализа его подходов к власти, особенно к ее рычагам, едва ли следует допускать, что в создании ГКО он сыграл какую-то вспомогательную роль. Он еще с ленинских времен помнил о существовании Совета Труда и Обороны и, конечно, отдавал отчет в том, что подобный ему орган, но с еще большими полномочиями, должен быть создан после начала войны. Разумеется, обдумывал он и состав этого органа, поскольку, как показала предшествующая и последующая практика, ключевые кадровые вопросы решались им самостоятельно, а не по подсказке лиц из его окружения.

Могут возразить, что чрезвычайная обстановка диктовала именно необходимость принятия чрезвычайных мер. Однако никакая чрезвычайная ситуация в глазах Сталина не могла служить оправданием для того, чтобы хотя бы на минуту выпустить из своих рук бразды высшего правления. Логическими рассуждениями, конечно, трудно обосновывать характер того или иного решения. Однако лично мне представляется, что именно Stalinу (а не Berии) принадлежит инициатива создания ГКО и определения его персонального состава.

Приведу краткую справку о Государственном Комитете Обороны, поскольку в ходе войны он являлся главным и решающим органом, принимавшим принципиальные решения по всем вопросам.

Государственный Комитет Обороны (ГКО), — чрезвычайный высший государственный орган в СССР, в котором в годы Великой Отечественной войны была сосредоточена вся полнота власти. Образован 30 июня 1941 г. решением Президиума ВС СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Первоначальный состав: И.В. Stalin (пред.), В.М. Молотов (зам. пред.), К.Е. Ворошилов, Л. Берия, Г.М. Маленков. Позднее в ГКО введены А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский, Н.А. Булганин.

В годы войны ГКО руководил деятельностью всех государственных ведомств и учреждений, направлял их усилия на всенародное использование материальных, духовных и военных возможностей страны для достижения победы над врагом, решал вопросы перестройки экономики и мобилизации людских ресурсов страны для нужд фронта и народного хозяйства, подготовки резервов и кадров для Вооруженных Сил и промышленности, эвакуации промышленности из угрожающих районов, перевода предприятий в освобожденные Советской Армией райо-

²⁶ Ian Grey. Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain. 1982. p. 325.

ны и восстановления разрушенного войной народного хозяйства, устанавливал объём и сроки поставок военной продукции и др. Каждый член ГКО ведал определённым кругом вопросов. Постановления ГКО имели силу законов военного времени. Все партийные, государственные, военные, хозяйствственные и профсоюзные органы были обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО.

ГКО ставил перед Верховным Главнокомандованием и в целом перед Вооруженными Силами СССР военно-политические задачи, совершенствовал структуру Вооруженных Сил, расставлял руководящие кадры, определял общий характер использования Вооруженных Сил в войне. Представители ГКО выезжали в войска действующей армии. Большое внимание ГКО уделял руководству борьбой народа в тылу врага. В своей деятельности ГКО опирался на аппарат СНК СССР, уполномоченных ГКО на местах. Наркоматы обороны и ВМФ, их управления были рабочими органами ГКО по военным вопросам, непосредственными организаторами и исполнителями его решений. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования. После окончания войны Указом Президиума ВС СССР от 4 сентября 1945 г. ГКО упразднён.

Не опасаясь того, что меня могут причислить к почитателям Волкогонова, приведу его мнение по поводу концентрации власти в стране. Как мне кажется, в данном случае он не впадает в присущий ему антисоветизм и антисталинизм, а выражает лишь то, против чего трудно возразить: "В первый период войны Сталин работал по 16-18 часов в сутки, осунулся, стал еще более жестким, нетерпимым, часто злым. Ежедневно ему докладывали десятки документов военного, политического, идеологического и хозяйственного характера, которые после его подписи становились приказами, директивами, постановлениями, решениями. Нужно сказать, что сосредоточение всей политической, государственной и военной власти в одних руках имело как положительное, так и отрицательное значение. С одной стороны, в чрезвычайных условиях централизация власти позволяла с максимальной полнотой концентрировать усилия государства на решении главных задач. С другой – абсолютное единовластие резко ослабляло самостоятельность, инициативу, творчество руководителей всех уровней. Ни одно крупное решение, акция, шаг были невозможны без одобрения первого лица"²⁷.

В дальнейшем я приведу достаточно авторитетные высказывания, которые если и не опровергают утверждение, что таким способом сковывались инициатива, самостоятельность и творчество работников всех рангов, то показывают, что Сталин весьма внимательно относился к мнению военачальников и работников Генштаба и не навязывал собственные решения, опираясь лишь на свою власть и авторитет. Главное же состоит в том, что централизация власти была объективно необходима и без нее трудно было бы не только взять под контроль сложившуюся ситуацию, но и вообще добиться решающих успехов.

Что же касается содержащихся в воспоминаниях утверждений, что Сталин чуть ли не испугался, решив, что соратники пришли с целью арестовать его, то это представляется мне крайне невероятной фантазией. Сталин хорошо знал своих соратников и те границы, в рамках которых они могли действовать. Охрана Сталина не подчинялась им, поэтому даже с этой точки зрения арестовать его они были не в состоянии. Но главное заключается в том, что именно Сталин служил

²⁷ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга вторая. С. 180–181.

символом и олицетворением власти и режима в целом, поэтому такого рода попытка в условиях начавшейся войны могла бы родиться только в воображении какого-то сумасшедшего. И тогда, и сейчас, по прошествии столь многих лет, подобная мысль выглядит почти сумасбродной. Сталин, конечно, даже в самом мрачном состоянии, не мог себе представить такую возможность, ибо она была абсолютно исключенной. Поэтому мне кажется, что утверждение А.И. Микояна – “у меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать” – следует воспринимать, по крайней мере, как явное преувеличение, если не сказать сильнее!

Если смотреть на ситуацию того времени не с позиций сегодняшнего дня, а в широкой исторической перспективе и учитывать реальное положение дел в тот период, то, как мне представляется, арест или смещение Сталина его соратниками не только тогда, но и в дальнейшем явились бы самоубийственным шагом для самих его соратников. Они прекрасно оценивали складывавшуюся обстановку и отдавали себе отчет в том, что смещение Сталина было равнозначно признанию краха режима, а значит, и их собственного краха. Да и крайним упрощением было бы представлять, будто в такой обстановке вообще даже в качестве гипотетической могла существовать такая вероятность. Stalin был не только реальным вождем, обладавшим почти безграничной властью, но и идеально-политическим олицетворением советского строя. О каком в этом случае аресте могла идти речь? Несмотря на внешнюю правдоподобность излагаемых Микояном обстоятельств произошедшего на ближней даче Сталина эпизода, его квинтэссенция – а именно, что Stalin испугался возможного ареста – выглядит как эмоциональное преувеличение, если не сказать большего. Правда, читатель может возразить: ситуация, мол, была такая, что любой разворот событий предсказать невозможно. Однако вся система власти при Stalinе, на мой взгляд, дает определенный и однозначный ответ на рассматриваемый вопрос – это было невозможно в силу простой причины: в силу самой невозможности подобного развития событий.

Описывая некоторые ключевые события первого периода войны, нельзя обойти молчанием вопрос и о так называемой попытке Сталина путем серьезных территориальных и иных уступок заключить с Гитлером сепаратный мир. Эта версия стала усердно распространяться примерно с конца 80-х годов прошлого века. Она излагалась в разных вариантах, с приведением различных дат и фамилий, что уже само по себе вызывало сомнения в ее достоверности. Так, генерал-лейтенант Н.Г. Павленко, доктор исторических наук, рассказывает о следующем свидетельстве Г.К. Жукова:

“ – Stalin весьма пессимистично оценивал обстановку на фронтах и перспективы вооруженной борьбы осенью 1941 года. Далее вдруг перешел к военным событиям 1918 года. Смысл его слов сводился к следующим положениям: “Ленин оставил нам государство и наказал всячески укреплять его оборону. Но мы не выполнили этого завещания вождя. В настоящее время враг подходит к Москве, а у нас нет необходимых сил для ее защиты. Нам нужна военная передышка не в меньшей степени, чем в 1918 году, когда был заключен Брестский мир”.

Далее, обращаясь к Берии, он сказал: “Попытайся по своим каналам позондировать почву для заключения нового Брестского мира с Германией, сепаратного мира. Пойдем на то, чтобы отдать Прибалтику, Белоруссию, часть Украины, – на любые условия”.

На мой вопрос к Жукову, что было дальше, он ответил: “Доверенные лица Берии обратились к тогдашнему послу Болгарии в СССР Стотенову (даже здесь

несуразица, поскольку послом был не мифический Стотенов, а Стменов — Н.К.). По словам Стотенова, Гитлер отказался от переговоров, надеясь, что Москва вот-вот падет”²⁸.

Свою лепту в распространение этой версии внес и Волкогонов. Он, в частности, ссылаясь на свою беседу с маршалом К.С. Москаленко, который был членом Специального военного трибунала, судившего Берия и его сообщников в декабре 1953 года, писал: “В свое время мы с Генеральным прокурором тов. Руденко при разборе дела Берии установили, как он показал... что еще в 1941 году Сталин, Берия и Молотов в кабинете обсуждали вопрос о капитуляции Советского Союза перед фашистской Германией — они договаривались отдать Гитлеру Советскую Прибалтику, Молдавию и часть территории других республик. Причем они пытались связаться с Гитлером через болгарского посла. Ведь этого не делал ни один русский царь. Характерно, что болгарский посол оказался выше этих руководителей, заявил им, что никогда Гитлер не победит русских, пусть Stalin об этом не беспокоится”. ...Не сразу, но Москаленко разговорился... Во время этой встречи с болгарским послом, вспоминал маршал показания Берии, Stalin все время молчал. Говорил один Молотов. Он просил посла связаться с Берлином. Свое предложение Гитлеру о прекращении военных действий и крупных, территориальных уступках (Прибалтика, Молдавия, значительная часть Украины, Белоруссии) Молотов, со слов Берии, назвал “возможным вторым Брестским договором”. У Ленина хватило тогда смелости пойти на такой шаг, мы намерены сделать такой же сегодня. Посол отказался быть посредником в этом сомнительном деле, сказав, что “если вы отступите хоть до Урала, то все равно победите”.

— Трудно сказать и категорично утверждать, что все так было, — задумчиво говорил Москаленко.— Но ясно одно, что Stalin в те дни конца июня — начала июля находился в отчаянном положении, метался, не знал, что предпринять. Едва ли был смысл выдумывать все это Берии, тем более что бывший болгарский посол в разговоре с нами подтвердил этот факт”²⁹.

В действительности же дело обстояло следующим образом, о чем рассказал П. Судоплатов — непосредственный участник событий тех дней. Причем в официальном документальном издании, на которое я часто ссылаюсь в своей книге, на этот счет сказано буквально следующее, да и то в примечании: “Сообщение П.А. Судоплатова является одним из немногих (если не единственным) документальных свидетельств о попытках советского руководства прощупать возможность быстрого и мирного завершения разразившегося 22.6.41 вооруженного конфликта. Как явствует из ряда документов периода, непосредственно предшествовавшего войне, И.В. Stalin и В.М. Молотов вели “большую игру”, предполагая, что с немецкой стороны будут предъявлены Советскому Союзу некие претензии. Ф. Гальдер 20 июня 1941 г. записал в дневнике, что “Молотов хотел 18.6. говорить с фюрером”. (См. КТБ Halder, Bd.-II., S.458).

Имеется свидетельство Ф. Шулленбурга по поводу того, что ему перед отъездом из Москвы было вручено некое “предложение”, которое он должен был передать А. Гитлеру. Это предложение о “компромиссном мире” он передал Гитлеру по прибытии в Берлин, однако получил от него отрицательный ответ. (См. I.Reischauer. Diplomatischer Widerstand gegen Unternehmen “Barbarossa”, Berlin, 1991, S.411).

²⁸ Цит. по Каин и начало войны. Документы и материалы. С. 371.

²⁹ Дмитрий Волкогонов. Stalin. Политический портрет. Книга вторая. С. 177–178.

Советские свидетельства носят косвенный характер. На одно из них ссылается Д.А. Волкогонов, отмечая, что в первые дни войны И.В. Сталин предпринимал такие зондажи. В своих воспоминаниях Г.К. Жуков относит подобные зондажи, проводившиеся Л. Берии, к началу октября 1941 года. Существует и сообщение бывшего сотрудника советского посольства В.М. Бережкова, которому представитель немецкого МИДа фон Боттмер в конце июля 1941 года, во время следования советской колонии через Югославию, говорил о возможности немецко-советских компромиссных переговоров. По прибытии советских дипломатов в СССР это сообщение было доведено до сведения высшего советского руководства.

Впоследствии Судоплатов в беседах и публикациях неоднократно повторял свои сведения, считая что Л.П. Берия преследовал цели "дезинформации" немецкой стороны, однако датировал свои встречи со Стаменовым не июнем, а июлем 1941 г.³⁰.

Предоставим, однако, слово самому П.Судоплатову, свидетельствам которого в данном случае можно вполне доверять: по обвинению в сотрудничестве с Берией он долгие годы провел в лагерях и лишь через многие годы был реабилитирован. Хотя приводимый пассаж и достаточно объемен, тем не менее его стоит привести, ибо он рисует подлинную, а не вымыщенную картину происходивших событий.

Итак, П. Судоплатов писал: "25 июля Берия приказал мне связаться с нашим агентом Стаменовым, болгарским послом в Москве, и проинформировать его о якобы циркулировавших в дипломатических кругах слухах, что возможно мирное завершение советско-германской войны на основе территориальных уступок. Берия предупредил, что моя миссия является совершенно секретной..."

Берия с ведома Молотова категорически запретил мне поручать послу-агенту доведение подобных сведений до болгарского руководства, так как он мог догадаться, что участвует в задуманной нами дезинформационной операции, рассчитанной на то, чтобы выиграть время и усилить позиции немецких военных и дипломатических кругов, не оставлявших надежд на компромиссное мирное завершение войны.

Как показывал Берия на следствии в августе 1953 года, содержание беседы со Стаменовым было санкционировано Сталиным и Молотовым с целью забросить дезинформацию противнику и выиграть время для концентрации сил и мобилизации имеющихся резервов.

...Когда Берия приказал мне встретиться со Стаменовым, он тут же связался по телефону с Молотовым, и я слышал, что Молотов не только одобрил эту встречу, но даже пообещал устроить жену Стаменова на работу в Институт биохимии Академии наук. При этом Молотов запретил Берии самому встречаться со Стаменовым, заявив, что Сталин приказал провести встречу тому работнику НКВД, на связи у которого он находится, чтобы не придавать предстоящему разговору чересчур большого значения в глазах Стаменова. Поскольку я и был тем самым работником, то встретился с послом на квартире Эйтингона, а затем еще раз в ресторане "Арагви", где наш отдельный кабинет был оборудован подслушивающими устройствами: весь разговор записали на пленку. Я передал ему слухи, пугающие англичан, о возможности мирного урегулирования в обмен на территориальные уступки. К этому времени стало ясно, что бои под Смоленском приоб-

³⁰ 41 год. Документы. Книга вторая. С. 507–508.

рели затяжной характер и танковые группировки немцев уже понесли тяжелые потери. Стаменов не выразил особого удивления по поводу этих слухов. Они показались ему вполне достоверными. По его словам, все знали, что наступление немцев развивалось не в соответствии с планами Гитлера и война явно затягивается. Он заявил, что “все равно уверен в нашей конечной” победе над Германией. В ответ на его слова я заметил:

— Война есть война. И, может быть, имеет все же смысл прощупать возможности для переговоров.

— Сомневаюсь, чтобы из этого что-нибудь вышло, — возразил Стаменов.

Словом, мы поступали так же, как это делала и немецкая сторона. Беседа была типичной прелюдией зондажа. Я уже упоминал, что Ботман, сотрудник МИДа, проводил аналогичные беседы с Бережковым.

Стаменов не сообщил о слухах, изложенных мною, в Софию, на что мы рассчитывали. Мы убедились в этом, поскольку полностью контролировали всю шифропереписку болгарского посольства в Москве с Софией, имея доступ к их шифрам, которые называли между собой “болгарскими стихами”… Стаменов не предпринимал никаких шагов для проверки и распространения запущенных нами слухов. Но если бы я отдал Стаменову такой приказ, он, как полностью контролируемый нами агент, наверняка его выполнил. Так и закончилась в конце июля – начале августа 1941 года вся эта история.

В 1953 году, однако, Берии обвинили в подготовке плана свержения Сталина и советского правительства. Этот план предусматривал секретные переговоры с гитлеровскими агентами, которым предлагался предательский сепаратный мир на условиях территориальных уступок. На допросе в августе 1953 года Берия показал, что он действовал по приказу Сталина и с полного одобрения министра иностранных дел Молотова.

За две недели до допроса Берии меня вызвали в Кремль с агентурным делом Стаменова, где я сообщил о деталях нашего разговора Хрущеву, Булганину, Молотову и Маленкову. Они внимательно, без единого замечания, выслушали меня, но позднее я был обвинен в том, что играл роль связного Берии в попытке использовать Стаменова для заключения мира с Гитлером. Желая представить Беррию германским агентом и скомпрометировать его, Маленков распорядился послать Петрова, секретаря Президиума Верховного Совета, вместе со следователями прокуратуры в Софию. Они должны были привезти в Москву показания Стаменова. Однако Стаменов отказался дать какие бы то ни было письменные показания…

Однако в своих мемуарах Хрущев, знавший обо всех этих деталях, все-таки предпочел придерживаться прежней версии, что Берия вел переговоры с Гитлером о сепаратном мире, вызванные паникой Сталина. На мой взгляд, Сталин и все руководство чувствовали, что попытка заключить сепаратный мир в этой беспрецедентно тяжелой войне автоматически лишила бы их власти. Не говоря уже об их подлинно патриотических чувствах, в чем я совершенно уверен: любая форма мирного соглашения являлась для них неприемлемой. Как опытные политики и руководители великой державы, они нередко использовали в своих целях поступавшие к ним разведданные для зондажных акций, а также для шантажа конкурентов и даже союзников³¹.

Полагаю, что в особых комментариях приведенный отрывок из воспомина-

³¹ Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. М. 1996. С. 173–176.

ний известного советского разведчика не нуждается. Представляется важным лишь специально выделить главный его вывод: это была разведывательная операция с целью зондажа и возможной дезинформации германского руководства, чтобы, если она получит какое-то развитие, выиграть время для мобилизации и концентрации сил. Написав эту фразу, я сам усомнился в том, что такая акция вообще имела какие-либо шансы (даже самые ничтожные) на успех. Гитлер ставил своей целью уничтожить нашу страну, и Сталин это прекрасно понимал. На любые паллиативные меры фашистский фюрер никогда бы не пошел в первый, победоносный для Германии, период войны. А успех тогда сопутствовал именно германскому фашизму, который с каждой новой неудачей советских войск все больше терял голову, опьяняясь своими успехами.

Конечно, чисто гипотетически можно предположить, что Сталин в первую неделю войны допускал мысль о том, что Гитлер может пойти на заключение сепаратного мира на выгодных для себя условиях. Однако такое гипотетическое допущение явно алогично и не заслуживает того, чтобы его рассматривать всерьез. Ведь шла борьба не на жизнь, а на смерть. И это со всей определенностью было выражено Сталиным в его речи от 3 июля 1941г. Однако все же категорически и безоговорочно отрицать возможность наличия в первые дни войны у Сталина иллюзий подобного рода нельзя. Равно, как нельзя утверждать, что такие иллюзии имели место быть.

Возможно, я и ошибаюсь, но мне кажется, что в своей многолетней политической и государственной деятельности Сталину не доводилось произносить речь более важную и более судьбоносную, чем выступление по радио от 3 июля 1941 года. В ней, если говорить по существу, вопрос стоял не только о судьбе нашей страны, но и судьбе самого Сталина, и обе эти судьбы слились воедино, стали неразделимы. Только принимая во внимание данный аспект проблемы, можно более или менее объективно давать ретроспективную оценку событиям, отделенным от нас многими десятилетиями. Да, к тому же, сохраняющими и сегодня политическую и научную актуальность. За долгое время своей деятельности на высших партийных и государственных постах Сталин произнес большое количество речей. Но выступление от 3 июля представляет собой поистине исторический момент, заслуживающий особого внимания.

4. Речь Сталина 3 июля 1941 г.

Бесспорно, есть совершенно очевидная необходимость достаточно детально остановиться на основных положениях этой речи, а попутно и высказать свои собственные комментарии и изложить оценки некоторых историков, преимущественно зарубежных, поскольку оценки российских исследователей и публицистов читатель, как мне кажется, и сам может представить себе — в зависимости от той идеологической позиции, которой он придерживается.

Выше я уже касался вопроса о том, почему вождь не выступил раньше и вместо него страшную весть о начале войны страна узнала из уст Молотова. Кроме перечисленных выше мотивов, на мой взгляд, Сталин еще где-то в глубине души надеялся на неожиданный поворот в развитии событий, на то, что Красной Армии все же удастся переломить драматический и даже трагический для нее ход военных действий. Двенадцать дней — до 3 июля — в пух и в прах развеяли все эти надежды. Ситуация стала предельно ясной и определенной. Наступил час, когда

перед всей страной и ее народами, перед армией, наконец, перед мировым общественным мнением нужно было дать объяснение подобного разворота событий и выдвинуть ясную, четкую конкретную программу войны против гитлеровской Германии.

Прежде всего обращает на себя внимание характер и тональность обращения к соотечественникам. Stalin начал свое выступление словами:

“Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!”³²

В этой манере обращения заключался особый смысл, и он состоял в том, что элементы литургического христианства как-то органически соединились с привычными для советских людей понятиями “товарищи”, “граждане”. Вождь тем самым как бы предал забвению все прежние классовые подходы и понятия, которые уже были не в состоянии отразить веяния времени и сам дух совершенно новой полосы в развитии страны. Stalin обращался ко всему народу, ко всем его гражданам, независимо от их политической ориентации и политических взглядов. Это была самая широкая платформа для единения всего народа, и в ней содержался как бы замаскированный призыв забыть все несправедливости и обиды прошлого и подчинить все одному — спасению отчизны, сохранению свободы и независимости Родины.

Stalin не преуменьшал угрозы, нависшей над страной. Он говорил: “Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность”.

Далее Stalin попытался дать ответ на главный вопрос: почему наша армия терпит поражения и является ли германская армия столь мощной и непобедимой, что ей просто бессмысленно оказывать сопротивление. Он повторил свой, неоднократно высказывавшийся тезис о том, что непобедимых армий не было и нет. О причинах временного успеха германской армии он сказал, что “эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма. Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмо-

³² И. Stalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946. С. 9–17.

билизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвижущихся к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвигнуться к границам".

Явным преувеличением было утверждение Сталина, что лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией. Факты не подтверждали такого рода заявления. Скорее всего, они были рассчитаны на то, чтобы приободрить население и воинов Красной Армии. Однако эти констатации сыграли роль бумеранга, ибо вселяли необоснованные надежды на скорые победы нашей армии. Поэтому данное утверждение председателя Государственного Комитета Обороны следует расценить как серьезный промах.

Не мог Stalin оставить без ответа вопрос о заключении пакта о ненападении, ибо многие полагали, что благодаря этому пакту Гитлеру удалось обмануть Сталина и создать выгодные для Германии предпосылки для нападения на СССР. Какова же была аргументация вождя на этот счет? "Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией".

В приведенном пассаже на стороне Сталина, безусловно, логика, причем достаточно убедительная и подтвержденная дальнейшим ходом событий. Естественно, что он не мог сказать о том, что пакту сопутствовали секретные соглашения, которые отнюдь не в лучшем свете могли быть представить некоторые внешнеполитические акции правительства СССР в предвоенный период. Но понять фигуру умолчания, к которой прибег Stalin, конечно, можно.

В силу того, что Германия оказалась агрессором, международные позиции Советского Союза изменились к лучшему, и из "пособника агрессора" он пре-

вратился в страну, ведущую справедливую войну за свою свободу и независимость. Это, естественно, вызывало сочувствие мирового сообщества.

И наиболее убедительным и вместе с тем чрезвычайно важным для нашей страны и для Сталина как его руководителя подтверждением правоты такой перемены в общественном мнении мира стала позиция, выраженная английским премьер-министром У. Черчиллем сразу же после нападения Гитлера на СССР. Английский премьер в своем эмоциональном выступлении сказал: “За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зреющим. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает...

Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни...

Вторжение Гитлера в Россию вызвало переоценку ценностей и изменило отношения военного времени³³.

Нет никаких сомнений в том, что поддержка со стороны главы английского правительства имела для Сталина чрезвычайно важное значение. Тем более, что он понимал, что устами Черчилля выражалось мнение самых широких слоев общественности буквально во всем мире. Это придавало Сталину уверенность и позволяло говорить не с позиций слабого противника, терпящего поражение, а с позиций страны, которая пока еще терпит поражения и испытывает временные трудности, но за ее плечами где-то вдалеке маячит заря победы.

Квинтэссенцией речи Сталина стало формулирование ключевых задач, вставших перед Советским Союзом в условиях войны. И вождь, как всегда, четко и лаконично изложил их: “Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы совет-

³³ Уинстон Черчиль. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 3—4. М. 1991. С. 170—173.

ские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу".

Столь обнаженная постановка вопроса о жизни и смерти народов Советской России в полной мере отражала реалии той поры, ибо всем хорошо известна была расистская человеконенавистническая программа германского нацизма. И питать какие-либо иллюзии насчет того, что Гитлер откажется от реализации всех положений своей программы, было бы сверхнаивностью, а скорее, идиотизмом.

Особый акцент Сталин сделал на том, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины.

Выше уже отмечалось, что с самого начала войны Сталин сделал акцент на том, что начавшаяся война является отечественной, т. е. по существу внеклассовой. Это придавало ей совершенно новые качества и параметры, расширяло возможности максимально широкого объединения буквально всех сил общества для борьбы с гитлеровским фашизмом. И надо сказать, что такое понимание характера войны стало неотъемлемой составной частью менталитета всех народов Советского Союза, что, безусловно, сыграло колоссальную положительную роль в дальнейшей борьбе. Это как бы подтверждает А. Верт, когда он пишет: "Слова об "Отечественной войне", прозвучавшие в знаменитом выступлении Сталина по радио 3 июля, произвели на всех такое глубокое впечатление именно потому, что они отразили мысли, которые в тех трагических обстоятельствах народным массам хотелось услышать в четкой и ясной формулировке. Потрясенная и ошеломленная страна получила наконец конкретную программу действий"³⁴.

Сталин не был бы Сталиным, если бы в своей речи он не акцентировал исключительное внимание на борьбе против всякого рода дезорганизаторов, трусов и других вольных или невольных пособников врага. "Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот. Хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

³⁴ Александер Верт. Россия в войне 1941–1945. С. 77.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия".

Иными словами, программа действий в условиях войны, причем рассчитанная не на какую-то часть общества, а на весь народ, была сформулирована до предела четко и сурово. Здесь едва ли нужно было чего-то дополнять. Stalin далее подчеркнул, что Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное наполнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

В своей речи Stalin поставил и дал ответ на один из самых злободневных в тот исторический период вопрос — вопрос о возможном создании широкой антигитлеровской коалиции для разгрома сил агрессии. Stalin подчеркнул: "Войну с фашистской Германией нельзя считатьвойной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помочь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработленного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помочь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными".

Здесь все, как говорится, на месте, за исключением разве излишних надежд, что в этой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработленного гитлеровскими заправилами. Последнее, к сожалению, оказалось благим пожеланием: за исключением немногочисленных антифашистских групп в самой Германии не оказалось сил, оказавших серьезное сопротивление гитлеровскому фашизму.

В заключение Сталин призывал создавать силы народного ополчения для оказания сопротивления врагу и призывал “весь народ сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы”.

Сама по себе ссылка на партию была понятна и оправдана. Несколько удивляет и даже шокирует, что она была выражена в такой форме, где вождь призывают сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина. То ли это дань сложившемуся шаблону, то ли форма подтверждения того места и положения, которые Сталин занимал в то время. По крайней мере, это можно толковать и как своевременное подтверждение его неоспоримого лидерства в партии и государстве.

Наконец, стоит привести оценки речи Сталина, принадлежащие перу различных авторов. Биограф Сталина И. Дойчер писал с явной антипатией: “3 июля 1941г. Сталин наконец нарушил тишину, чтобы предложить руководство к действию изумленной нации. В речи по радио он говорил о “серьезной опасности”. Его речь была медленной, с остановками, бесцветной. Его выступление было, как обычно, практичным и сухим. Оно не содержало ни одно из тех будящих слов, которые, подобно обещанию Черчилля, сулили кровь, тяжелый труд, слезы и пот, и западают в сознание людей. Его стиль был странно несовместим с драматичностью момента и даже с содержанием его речи”.

Далее Дойчер пишет о том, что Сталин оправдывал договор с Германией и явно преувеличивал потери врага, который продолжал наступление. Он не мог заставить себя сообщить людям жестокую правду, не снабдив их дико оптимистическими и несоответствующими действительности заявлениями. Особенно Дойчер выделяет то обстоятельство, что Сталин определил войну как отечественную. Удивление у Дойчера вызывал тот факт, что Сталин призвал сплачиваться вокруг партии Ленина – Сталина. Эта неожиданная ссылка в третьем лице, адресованная к самому себе, добавляла легкую несовместимость к его речи – речи, одновременно столь великой и столь плоской, столь неукротимой и столь не вдохновляющей.³⁵

Прямо противоположную – позитивную оценку речи Сталина дает Я. Грей: “Это была историческая речь, лишенная риторики, взывающая к национальной гордости народа, к крепко укоренившемуся в русском национальном характере инстинкту защиты Отечества. Он говорил как друг и руководитель. Именно такой поддержки от него ждали. Слушая его, люди повсеместно, и особенно в Вооруженных Силах, испытывали “огромный энтузиазм и патриотический подъем”. Генерал Федюнинский, сыгравший выдающуюся роль на нескольких фронтах, писал: “Мы вдруг будто почувствовали себя сильнее”³⁶. Английский историк особо выделяет то, что “местами в своей речи Сталин несколько преуменьшал беду и как бы оправдывался, но правду не скрывал. “Хотя отборные дивизии и авиационные части врага уже разбиты и нашли смерть на поле боя, противник продолжает рваться вперед. Советско-германский пакт должен был дать мир или хотя бы отсрочить войну, но Гитлер вероломно нарушил свои обязательства и внезапно напал на Советский Союз. Однако это преимущество будет недолгим”... Простым, лаконичным языком он объяснил людям, что означает для них война”³⁷.

³⁵ Isaac Deutscher. Stalin. L. 1966. p. 452–453.

³⁶ Ian Grey. Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain.. 1982. p. 329–330.

³⁷ Там же.

Сюда для большей достоверности и убедительности можно присовокупить оценку этой речи, принадлежащую перу американского корреспондента Александра Верта, проведшего большую часть войны в Советском Союзе и своими собственными глазами наблюдавшего за развертывавшимися событиями. Вот его точка зрения: “Слова об “Отечественной войне”, прозвучавшие в знаменитом выступлении Сталина по радио 3 июля, произвели на всех такое глубокое впечатление именно потому, что они отразили мысли, которые в тех трагических обстоятельствах народным массам хотелось услышать в четкой и ясной формулировке. Потрясенная и ошеломленная страна получила наконец конкретную программу действий”³⁸.

Полагаю, что в качестве заключительного аккорда оценок западными исследователями биографии Сталина стоит привести и оценку А. Улама. Она интересна не только тем, что отдает должное значению этой речи как своего рода призыва к общенациональному сплочению, но и не замазывает, как говорится, грехи вождя. А. Улам писал, что хотя некоторые критики высмеивали его за то, что он избегал бывать на фронте, “его пребывание в осажденной столице, как и его речь 3 июля 1941 г., остались незабываемы в памяти народа, и весь период войны это затеняло в памяти все его преступления и ошибки”³⁹.

Разумеется, критики Сталина, как российские, так и многие западные, главный акцент делают на том, что Сталин в первые дни войны находился в состоянии шока и психологически был не в состоянии справиться с тем, что обрушилось на него. Р. Конквест писал в своей книге, что “в любой другой стране лидер, ответственный за такие поражения и несчастья, потерял бы власть. Но такова была основательность Сталина, что не осталось в живых никаких альтернативных лидеров, обладавших реальной способностью к управлению. Те, кто попытался бы теперь решать дела без него, давно уже являлись не чем иным, как марионетками”⁴⁰.

Сталин в своей речи обрисовал довольно мрачную картину, хотя и пытался противопоставить ей более или менее благоприятные для Советского Союза не только отдаленные, но и ближайшие перспективы. Насчет отдаленных перспектив он, вне всякого сомнения, был абсолютно прав. Но что касается ближайших и среднесрочных прогнозов, его выводы не базировались на реальном учете обстановки, а скорее, преследовали цель подбодрить население страны и укрепить волю вооруженных сил и народа вообще к сопротивлению.

5. Причины временных поражений нашей армии

Само начало войны сложилось для советских войск, можно сказать, более чем драматично. Мощный удар гитлеровской военной машины обрушился на них, когда армия в целом находилась на положении мирного времени. Наши войска не были приведены в боевую готовность и, не закончив стратегического развертывания, оказались рассредоточенными на фронте в 4,5 тысячи километров и в глубину более чем на 400 километров. На направлении своих главных ударов враг имел тройное и даже пятикратное превосходство в силах. Подразделения при-

³⁸ Александр Верт. Россия в войне 1941–1945. М. 2003. С. 77.

³⁹ Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. N. Y. 1973. p. 544.

⁴⁰ Robert Conquest. Stalin. Breaker of Nations. Weidenfeld – London. 1991. p. 238.

границы округов вступали в первые военные сражения разрозненно, без необходимого воздушного прикрытия и артиллерийской поддержки. Нельзя не отметить мужество и стойкость советских воинов, но несмотря на все это, попытки задержать противника на линии приграничных укрепленных районов большей частью не удавались. В целом можно констатировать, что советские войска не смогли создать сплошного фронта, заблаговременно занять выгодные рубежи, организовать устойчивую оборону.

Армады вермахта вначале обрушились на дивизии, расположенные вблизи границы, затем на вторые эшелоны армий прикрытия и, прорвавшись в глубину, — на резервы приграничных округов. Положение осложнялось тем, что гитлеровцам удалось вывести из строя много наших самолетов на земле и захватить господство в воздухе.

В первые же дни войны немецко-фашистские войска, широко используя диверсионные группы и парашютистов, проникли на ряде участков в глубь советской территории. Захватив стратегическую инициативу, враг всеми силами развивал наступление. К исходу 25 июня немецко-фашистские войска продвинулись на западе на 250 километров. К 10 июля гитлеровская армия находилась уже на северо-западном направлении на 500, западном — 600, юго-западном — на 350 километров от границы.

Обобщенная картина наших общих потерь за период с ее начала до середины июля 1941 года дается советскими военными историками. В целом этот период окончился поражением советских вооруженных сил. Об этом красноречиво говорят следующие факты. Гитлеровские войска продвинулись в глубь советской территории на 300–600 км. Под натиском врага Красная Армия вынуждена была почти повсеместно отступать. Латвия, Литва, почти вся Белоруссия, значительная часть Эстонии, Украины и Молдавии оказались под пятой фашистской армии. В оккупации оказалось и около 23 млн. советских людей. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника было незначительным.

За первые три недели войны из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромлены, 70 — лишились более чем половины личного состава и военной техники. Только три фронта — Северо-Западный, Западный и Юго-Западный — безвозвратно потеряли около 600 тыс. человек, или почти треть своего численного состава. Наша армия лишилась около 4 тыс. боевых самолетов, свыше 11,7 тыс. танков, около 18,8 тыс. орудий и минометов. В целом к концу 1941 года картина наших потерь в вооружениях и военной технике была более чем удручающей. Если к 22 июня 1941 года у нас имелось 22,6 тыс. танков, то к концу года их осталось 2100, из 20 тыс. боевых самолетов — 2100, из 112,8 тыс. орудий — всего около 12,8 тыс., из 7,74 млн. винтовок и карабинов — 2,24 млн.⁴¹ На оккупированной территории осталось более половины запасов приграничных военных округов. Понесенные потери тяжело отразились на боеспособности войск, остро нуждавшихся во всем: в боеприпасах, горючем, вооружении, транспорте. На их восполнение советской промышленности потребовалось более года.⁴² Историк В. Анфилов утверждал, что “мы потеряли сразу же, до середины июля 1941-го, около миллиона солдат

⁴¹ «Военно-исторический журнал». 1998 г. № 3. С. 4

⁴² См. Великая Отечественная война 1941—1945. Книга I. Суровые испытания. С. 164.

и офицеров, из них 724 тыс. были пленены. Противнику достались в качестве трофеев 6,5 тыс. танков (в основном старых), 7 тыс. орудий и минометов, огромные запасы горючего и боеприпасов (по данным противника)”.⁴³

Для германского командования, и для Гитлера в первую очередь, была характерна скоропалительная, а потому и ошибочная в корне оценка, когда на основе первых успехов они сделали окончательные фундаментальные выводы. В начале июля германский генеральный штаб пришел к заключению, что кампания в России уже выиграна, хотя еще и не завершена. Гитлеру казалось, что Красная Армия уже не в состоянии создать сплошного фронта обороны даже на важнейших направлениях. Несмотря на потери, войска Красной Армии, сражавшиеся от Баренцева моря до Черного, к середине июля располагали 212 дивизиями и 3 стрелковыми бригадами. И хотя полнокровными из них являлись лишь 90 соединений, а остальные имели всего половину, а то и менее штатного состава, считать Красную Армию разгромленной было явно преждевременно. Сохранили способность к сопротивлению Северный, Юго-Западный и Южный фронты, спешно восстанавливали боеспособность войска Западного и Северо-Западного фронтов.

В начальный период войны фашистские войска также понесли такие потери, которых они не знали за предыдущие годы второй мировой войны. По данным начальника Генерального штаба сухопутных войск Гальдера на 13 июля 1941 г., только в сухопутных войсках было убито, ранено и пропало без вести свыше 92 тыс. человек, а урон в танках составил в среднем 50%. Примерно такие же данные приводят уже в послевоенных исследованиях западногерманские историки. Они считают, что с начала войны до 10 июля 1941 г. вермахт потерял на восточном фронте 77 313 человек. Люфтваффе лишилось 950 самолетов, на Балтийском море германский флот потерял четыре минных заградителя, два торпедных катера и один охотник. Однако потери личного состава не превышали численности имевшихся в каждой дивизии полевых запасных батальонов, за счет которых они и были восполнены, поэтому боеспособность соединений в основном сохранилась. К середине июля наступательные возможности агрессора оставались большими: 183 боеспособные дивизии и 21 бригада.⁴⁴

Словом, начало войны, хотя и было для Советской России трагическим, оно не стало и легкой прогулкой для гитлеровских войск, к чему они привыкли во время военных действий на Западе. И именно это было одним из важных уроков начавшейся войны. Героическая оборона Бреста, ряд других успешных оборонительных сражений к середине июля обнажили глубокие просчеты, легшие в основу планов молниеносной войны, на которую ориентировались Гитлер и германское верховное командование.

В работах наших и западных историков упор делался и делается на самые нейшие поражения советских войск в первый месяц войны. Против этого спорить нельзя, поскольку все это подтверждается неопровергимыми фактами, хотя бы тем, что в гитлеровском плена оказались сотни тысяч советских солдат, в окружение попадали не только дивизии, но и целые армии. Без преувеличения можно сказать, что это была настоящая трагедия для Советской России и, конечно, для самого Сталина.

Однако делать акцент только на этом и не замечать другого — нараставшего

⁴³ “Литературная газета”. 22 марта 1989 г.

⁴⁴ См. Великая Отечественная война 1941—1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 165.

сопротивления советских войск, того, что они постепенно выходили из состояния шока и начинали вести военные действия более грамотно — игнорировать это обстоятельство ни в коем случае нельзя, ибо картина в таком случае предстает однобокой, не соответствовавшей реальностям тех дней.

В этом контексте уместно привести оценку итогов начального периода войны, данную маршалом Г.К. Жуковым спустя полтора десятилетия после Великой победы. Он, обобщая бесценный, хотя порой и противоречивый опыт ведения войны, писал: “События 1941 года в большинстве случаев характеризуются западными историками как триумфальное шествие гитлеровской армии; действие же советских войск изображается как сплошная цепь поражений... При этом остается без внимания, что в первые недели и месяцы войны Красная Армия не только терпела неудачи, но и закладывала фундамент будущей победы, что советские солдаты буквально с первых же часов войны оказали вермахту такое сопротивление, подобного которому он не встречал никогда прежде и которое позволило вскоре сорвать планы врага.

Для людей моего поколения, для истории нет необходимости приукрашивать или замалчивать трудности, выпавшие на долю нашего народа в 1941–1942 годах. Но удары, под которыми не устояло бы в те годы ни одно государство, были приняты на себя Красной Армией, а затем, когда наша страна мобилизовала свои материальные ресурсы и силы, враг стал нести поражение за поражением. Если были бы правдой те односторонние картины, которые с таким старанием малютят ныне наши идеальные недруги, то позволительно спросить: почему начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер уже в первые недели войны вынужден был записывать в своем дневнике, что русские “сражаются до последнего человека”, “гибнут в дотах, но не сдаются” и т. д.? Почему уже 20 июля Гальдер сетовал на переутомление немецких войск, “непрерывно ведущих кровопролитные бои”, на “упадок духа руководящих инстанций”; почему в конце июля он констатировал “критическое обострение обстановки на отдельных участках”? И почему уже в начале августа 1941 года командование сухопутными силами врага пришло к выводу о провале в целом исходного плана войны против СССР?

Истина в том, что советские воины, не щадя жизни, героически отстаивали каждую пядь родной земли. Как известно, гитлеровским полчищам уже в 1941 году было нанесено тяжелое поражение под Смоленском, на киевском направлении, а в декабре 1941 года враг был разгромлен под Москвой, следствием чего и явился срыв гитлеровского плана войны против СССР⁴⁵.

Историческую оценку первых самых тяжелых месяцев войны, данную Жуковым, можно иллюстрировать и признаниями самих немецких военачальников. Так, начальник штаба 4-й армии генерал Г. Блюментритт писал вскоре после окончания войны:

“Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. Помогала им огромная территория страны с лесами и болотами. Немецких войск не хватало, чтобы повсюду создавать такое же плотное кольцо вокруг русских войск, как в районе Белостока — Слонима. Наши моторизованные войска вели бои вдоль дорог или вблизи от них. А там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оста-

⁴⁵ “Коммунист”. 1970 г. № 1. С. 83–84.

вались недосягаемыми. Вот почему русские зачастую выходили из окружения. Целыми колоннами их войска ночью двигались по лесам на восток. Они всегда пытались прорваться на восток, поэтому в восточную часть кольца окружения обычно высыпались наиболее боеспособные войска, как правило, танковые. И все-таки наше окружение русских редко бывало успешным.

Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало⁴⁶.

Словом, многочисленные факты убедительно свидетельствуют о том, что самый тяжелый первый период войны не стал для немецкой армии легкой военной прогулкой. Но невозможно отрицать и то, что советские войска терпели колоссальные потери и отступали, зачастую беспорядочно, в состоянии паники. У населения страны, да и в самой армии, не мог не возникать законный вопрос: в чем причина наших тяжелейших неудач и в чем кроются причины столь быстрых и крупных успехов гитлеровской военщины? Тем более, если принять во внимание широко распространенные в тот период в нашей стране настроения в отношении возможной войны. Они наиболее ярко выражались в словах популярной в ту пору песни, где были такие слова: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью могучим ударом!» Истины ради, следует указать на то, что сам Сталин не выступал в роли апологета и сторонника данной шапкозакидательской идеи. В дальнейшем я коснусь этой темы более подробно.

Реальность первого периода войны отнюдь не отвечала тому призыву, который еще до войны выдвигал Сталин. Да, видимо, и он сам не придавал серьезного значения овладению армией искусством отступления, все-таки доминантой была концепция войны, в которой отступлению отводилось второстепенное место. На практике это приводило к тому, что наша армия к началу войны, несмотря на тяжелые уроки «зимней войны», так и не оказалась всесторонне подготовленной. Вот почему те объяснения и ответы, которые дал Сталин в своей речи от 3 июля, вовсе не снимали возникающих снова и снова вопросов. Вероломство фашистских заправил, поправших пакт о ненападении, — все это было хорошо известно и до нападения на Советский Союз, поэтому Сталин должен был учитывать это обстоятельство, определяя направления своей международной и оборонной политики. Отдельно будет сказано и о факторе внезапности, сыгравшем свою роль в первый период войны, на чем акцент делал Сталин в своей речи.

Вопрос о причинах первоначальных поражений Советской России в войне имеет много различных аспектов, в том числе и непосредственно касающихся Сталина. Эти причины на протяжении уже многих десятилетий служат полем ожесточенных споров и непрекращающейся полемики. Полагаю, что в мои задачи не входит детальный анализ этих причин. Вместе с тем полностью обойти этот вопрос нельзя, поскольку в таком случае политическая биография Сталина выглядела бы не только не полной, но и в какой-то мере искаженной. Ведь ограничиться только тем, как Сталин объяснял причины временных неудач Красной Армии, значит сказать полуправду, скрыв ряд существенных недостатков общей подготовки страны к войне, за которые он как высший руководитель государства

⁴⁶ З. Вестфал, В. Крайпе, Г. Блюментритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантельфель. Роковые решения. М. 1958. (Электронный вариант).

несет прямую ответственность. И конечная победа, разумеется, не освобождает его от ответственности за серьезные ошибки, а часто и провалы в ведении войны.

Вместе с тем, наряду с субъективными факторами, сыгравшими свою роль в неблагоприятном для Советской России развитии событий в войне, особенно в 1941–1942 годах, следует подчеркнуть и роль факторов объективного характера, которые не могли не сыграть и сыграли свою негативную роль. Причем, на мой взгляд, объективные факторы имели решающее значение. В суммарном виде эти факторы можно свести к следующим.

Перед нападением на Советский Союз Германия захватила почти всю Западную Европу с ее экономическими ресурсами. Помимо собственной военно-экономической мощи в руках Гитлера оказалась мощная военно-техническая и сырьевая база захваченных стран, что значительно увеличило общий военно-экономический потенциал нацистской Германии. Не надо быть специалистом в области экономики и военной промышленности, чтобы понять, что в результате всего этого военная промышленность Германии имела в начале войны более мощную материально-техническую базу, чем военная промышленность СССР. Так, например, годовое производство стали и чугуна, добыча каменного угля в Германии вместе со странами, которые оказались под ее пятой, в 1940–1941 годах были в два с лишним раза больше, чем в СССР. Нельзя не учитывать и того, что Германия перевела свою экономику на военный лад задолго до войны. Экономика же Советской России была подчинена преимущественно задачам мирного строительства. Конечно, это не значит, что Сталин упускал из виду задачи развития и расширения военной промышленности. Этим вопросам, как уже указывалось выше, он придавал первостепенное значение. Ахиллесова пята советской, достаточно мощной военной промышленности заключалась в том, что отвечавшему насущным потребностям массового производства вооружения не было. В совокупности все это, особенно на первых порах, обеспечивало Германии количественный, а по некоторым видам вооружения и качественный перевес в боевой технике.

Сталин был серьезно обеспокоен этим. В частности, его тревожило положение дел в авиационной промышленности, которой он лично уделял особо пристальное внимание. Причем в этой, как, разумеется, и в других сферах, ему приходилось порой сталкиваться с элементами халатности и безответственности – а этого он не терпел органически. Он даже однажды незадолго до войны (ноябрь 1940 года) жаловался Г. Димитрову:

“Если наши воздушные силы, транспорт и т. д. не будут на равной высоте наших врагов (а такие у нас все капиталистические государства и те, которые прикрашиваются под наших друзей!), они нас съедят.

Только при равных материальных силах мы можем победить, потому что опираемся на народ, народ с нами. Но для этого надо учиться, надо знать, надо уметь. Между тем никто из военного ведомства не сигнализировал насчет самолетов. Никто из вас не думал об этом.

Я вызывал наших конструкторов и спрашивал их: можно ли сделать так, чтобы и наши самолеты задерживались в воздухе дольше? Ответили: можно, но никто нам такого задания не давал! И теперь этот недостаток исправляется.

У нас теперь пехота перестраивается, кавалерия была всегда хорошая, надо заняться серьезно авиацией и противовоздушной обороной.

С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и других специалистов. Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один. Ведь я могу учиться, читать, следить каждый

день; почему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрачиваете наследство Ленина.

(Калинин: Нужно подумать насчет распределения времени, как-то времени не хватает!)

Нет, не в этом дело! Люди беспечные, не хотят учиться и переучиваться. Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. (Вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит⁴⁷.

К слову сказать, некоторые отрасли промышленности (например, танковая, авиационная) только еще осваивали производство новых образцов боевой техники. В нашей стране производились танки Т-34, показавшие себя с самой лучшей стороны. Таких танков у немцев не было. Вот что об этом писал в своих воспоминаниях прославленный немецкий генерал-танкист Г. Гудериан: “Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Наши противотанковые средства того времени могли успешно действовать против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях. В ноябре 1941 года видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34, превосходящим наши боевые машины; непосредственно на месте они хотели уяснить себе и наметить, исходя из полученного опыта ведения боевых действий, меры, которые помогли бы нам снова добиться технического превосходства над русскими. Предложения офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, для выправления в наикратчайший срок чрезвычайно неблагоприятного положения германских бронетанковых сил не встретили у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно алюминиевого дизельного мотора”⁴⁸.

Большое преимущество Германии состояло в том, что она начала агрессию против Советской России в благоприятных международных условиях: боевые действия ее сухопутных войск в Европе были уже завершены и лишь на море и в воздухе продолжались сражения против Англии. Однако для ведения кампании против Великобритании отвлекались довольно скромные силы, учитывая численность и состав вооруженных сил, использованных для нападения на СССР. Это давало Гитлеру уникальную возможность бросить подавляющую часть своих сухопутных войск и военно-воздушных сил против СССР. Особо надо подчеркнуть, что на стороне Германии выступили Италия, Финляндия, Румыния и Венгрия, военный потенциал которых не являлся отнюдь незначительным и который был поставлен в значительной мере (исключая Италию) на службу германской армии. Наша страна фактически вела войну в одиночку, опираясь на свои собственные силы. И это продолжалось довольно длительный период. Нельзя также сбрасывать со счета и потенциальную опасность со стороны Японии, которая, несмотря на заключенный в апреле 1941 года советско-японский договор о нейтралитете, сосредоточила в Маньчжурии и Корее многочисленную армию. Поэтому значительная часть советских войск, которые так нужны были на фронте борьбы против Германии, была отвлечена на обеспечение безопасности наших границ на Дальнем Востоке.

⁴⁷ И. Сталин. Соч. Т.18. С. 208.

⁴⁸ Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата. Смоленск. 1999 (электронная версия).

Фашистская Германия заблаговременно готовилась к нападению на нашу страну. Она сосредоточила и развернула вдоль западных границ Советского Союза огромную армию общей численностью в 190 дивизий, в том числе 153 немецкие, обладавшие почти двухлетним опытом ведения современной войны с применением больших масс танков, самолетов и другой боевой техники. Приобретенный германской армией большой опыт проведения широких и крупномасштабных стратегических и тактических операций значительно усилил возможности ее вооруженных сил, придал ей уверенность, подготовил значительные кадры — от высших звеньев военного руководства до рядового состава — к ведению самой современной войны с применением новейших видов оружия. Что касается Красной Армии, то она не была развернута и сосредоточена там, где ожидалось вторжение. Наша армия не обладала достаточным опытом ведения современной войны. Халхингольский опыт и сuroвые уроки “зимней войны” с Финляндией, конечно (помимо позорных неудач и поражений) дали свои положительные результаты и способствовали совершенствованию военной подготовки частей и соединений. Однако говорить о том, что этот опыт был полностью обобщен, а главное — внедрен во все звенья военной системы, было бы громадным преувеличением.

Одним из самых существенных минусов являлось то, что ко времени начала войны не было завершено и ее техническое перевооружение. Существенной слабостью Красной Армии была и нехватка опытных, хорошо подготовленных и обученных командных кадров. Зачастую крупные командные посты, вплоть до командиров полков и даже дивизий, занимали не соответствовавшие необходимым требованиям люди. Здесь оказались широкомасштабные репрессии против военных, проведенные Сталиным в 1937 — 1938 годах. Известно, что это подорвало не только моральный дух Красной Армии, но и создало массу трудноразрешимых проблем с кадрами. За все это, разумеется, главную ответственность несет Stalin. Как отмечалось во втором томе, он, очевидно, трезво оценив все угрожающие последствия, решил положить конец широкомасштабным репрессиям в армии. Характерно, что ряд видных военных полководцев Великой Отечественной войны был освобожден из лагерей и впоследствии сыграл выдающуюся роль в войне (например, маршал К.К. Рокоссовский и др.).

В данном контексте бесспорный интерес представляет оценка советского военного корпуса Гебельсом. Она дает возможность под несколько иным измерением, чем мы привыкли смотреть, оценить достоинства и качества советского военного корпуса (несмотря на репрессии). Характерна запись в дневнике Гебельса, сделанная им, когда советские войска уже подходили к Берлину: “Генеральный штаб прислал мне книгу с биографиями и фотографиями советских генералов и маршалов. Из этой книги можно вычитать много такого, что мы упустили сделать в предшествующие годы. Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т.п. Короче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной

согласился”⁴⁹. Думаю, что в комментариях приведенное высказывание не нуждается — оно говорит само за себя. По крайней мере, критики Сталина должны не сбрасывать со счета или игнорировать это замечание, когда они делают уничижительные выводы о Сталине и его роли в войне, о его отношении к выращиванию молодых и способных военачальников.

Но оставим эту тему и возвратимся к главной нити нашего изложения.

Необходимо хотя бы в самом общем виде остановиться и на таком факторе, как внезапность нападения. Отрицать этот фактор нельзя, поскольку нападающая внезапно сторона, безусловно, сразу же приобретает серьезные преимущества. Было бы наивным полагать, что нападение фашистской Германии было совершенно неожиданным для СССР. Stalin прекрасно понимал, что рано или поздно Гитлер направит острие своей агрессии против нашей страны, реализуя свои бредовые планы установления мирового господства и фактического уничтожения русского народа. Stalin из всего предшествовавшего опыта знал, что германского фюрера не останавливают никакие нормы международного права, а тем более договор о ненападении. Вообще фюрер рассматривал нормы международного права как пустую формальность, полагая, что только сила правит миром и устанавливает в нем свои законы.

Что касается Сталина, то он также не испытывал особого пietета перед международным правом, но прекрасно отдавал себе отчет в том, какие негативные последствия влечет пренебрежение к этим нормам. Поэтому, заботясь о международном престиже Советской России, он достаточно лояльно выполнял требования права, если его нормы непосредственно не нарушали коренные интересы нашей страны. Частично этим объяснялось и его стремление не дать повода Гитлеру для развязывания агрессии против нашей страны. К сожалению, это стремление перешло все разумные границы и явилось одной из причин недостаточной готовности страны к отражению агрессии. Stalin, видимо, в глубине души считал, что Гитлер пытается шантажировать Советский Союз, добиваясь от него необходимых Германии уступок. И лидер СССР готов был к дальнейшим переговорам, чтобы таким путем выиграть время и прозондировать планы Германии. Но вся беда состояла в том, что в Берлине все уже было решено и никакие уступки уже не могли отвратить вторжение германских полчищ.

Несколько не умаляя вину Сталина в этом стратегическом просчете, следует заметить, что он вполне логично, в полном соответствии со здравым смыслом и реальными соображениями, считал, что германский фюрер не пойдет на такую авантюру, как война на два фронта, ибо против этого восставали как предшествовавшая история, так и заповеди ведущих германских политиков и стратегов — от Бисмарка до многих авторитетных германских военных теоретиков. Однако Stalin и здесь допустил еще одну ошибку: он переоценил способность Гитлера реально оценивать уроки истории и делать из этого соответствующие выводы. Историей доказано, что труднее всего в политике иметь дело с авантюристами. А таким авантюристом, причем солидного масштаба, как раз и был нацистский фюрер. Но именно этому авантюристу германский народ на какое-то время и вручил свою судьбу, за что ему пришлось жестоко расплачиваться.

Stalin допускал явные просчеты в оценках долговременных стратегических планов Гитлера. Это прямо яствует из его еще довоенной (июль 1940 года) беседы с английским послом Криппсом. Приведу пассаж из этой беседы:

⁴⁹ См.: «Новая и новейшая история». 1992 г., № 5. С.213.

“Что же касается субъективных данных о пожеланиях господства в Европе, то тов. Сталин считает долгом заявить, что при всех встречах, которые он имел с германскими представителями, он такого желания со стороны Германии — господствовать во всем мире — не замечал. (Здесь вождь явно кривил душой, очевидно, полагая, что не следует заглатывать английскую приманку и не идти на обострение отношений с Германией — Н.К.)

Криппс говорит, что агрессивные высказывания постоянно повторяются в Берлине и т.д.

Тов. Сталин отвечает, что он не всегда верит тому, о чем так много кричат, т.к. по опыту он знает, что если они кричат, то это лишь военная хитрость. Тов. Сталин говорит, что он не исключает, что среди национал-социалистов есть люди, которые говорят о господстве Германии во всем мире. Но, говорит тов. Сталин, я знаю, что есть в Германии неглупые люди, которые понимают, что нет у Германии сил для господства во всем мире.

Тов. Сталин говорит, что он не столь наивен, чтобы верить отдельным устным заявлениям отдельных руководителей относительно их нежелания господствовать в Европе и во всем мире”⁵⁰.

Здесь Сталин, как представляется, явно недооценил авантюризм Гитлера и стал невольной жертвой своего собственного так называемого объективного подхода. Хотя к тому времени он, видимо, должен был убедиться в том, что логика у Гитлера была совершенно иная, и игнорировать данное обстоятельство ? значило бы допускать серьезный политический и военно-стратегический просчет. Но главное — он считал, что Англия стремится столкнуть СССР с Германией, чтобы облегчить свое положение. Позднее английский посол сам признал, что подоплекой привезенных им в Москву предложений было “стремление заставить их [СССР] помочь нам выбраться из затруднительного положения, после чего мы могли бы бросить их и даже присоединиться к врагам, которые теперь их окружают”. Оценка этих предложений британским Генеральным штабом была еще категоричнее: как способ “столкнуть Россию с Германией”⁵¹.

По мере того, как становились все более явными агрессивные устремления Гитлера в отношении Советской России, что выразилось прежде всего в сосредоточении крупных сил немецко-фашистских войск у западных границ СССР, советский руководитель принял ряд предупредительных мер на случай отпора возможному вторжению врага. Заключение договора с Японией о нейтралитете в апреле 1941 года предоставило Советской России возможность начать переброску некоторых воинских частей из внутренних районов страны для усиления обороны западных границ СССР. В то же время по указанию Сталина был разработан и принят мобилизационный план, рассчитанный на перестройку промышленности на военный лад в течение второй половины 1941 года и в 1942 году.

Однако предпринятые меры и шаги оказались запоздалыми и недостаточными для отражения натиска гитлеровской Германии. И, как уже не раз отмечалось, одной из причин (она и субъективна, и объективна одновременно) того, что страна не оказалась в должной мере готовой к отражению агрессии, был просчет И.В. Сталина в оценке военно-стратегической обстановки, сложившейся непосредственно к началу войны. Другой, также весьма существенной причиной

⁵⁰ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 191–193.

⁵¹ См.: Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. С.33–34,49–50.

явилось неправильное определение Сталиным и Главным командованием Красной Армии направления главного стратегического удара гитлеровского вермахта. В предшествующих главах уже рассматривался вопрос о том, какую роль сыграло недоверие Сталина к донесениям разведки. Одновременно отмечалась и противоречивость и недостаточная достоверность многих разведывательных донесений, что также порождало у Сталина законное недоверие к определенной информации. Словом, вина здесь лежит не на одном Сталине: разведка также не смогла своевременно раскрыть реальные гитлеровские планы нападения. Хотя относительно сроков такого нападения информация была более или менее правильной, тем более, что об этом чуть не во всеуслышание говорили не только в кулуарах политические деятели, но и писала печать. Сам Stalin стоял между трудным выбором. И в конечном счете, он все же до конца не верил в реальность нападения Гитлера в июне 1941 года. Stalin считал, что фюрер пропустил удобный срок и отложит вторжение до будущего года. А за год многое может измениться: прежде всего возрастет мощь Советской России и вооруженных сил.

Советский вождь считал, что ложившиеся ему на стол донесения из самых различных источников имеют своей целью толкнуть Москву на такие шаги, которые могут быть использованы Гитлером для нарушения пакта о ненападении. Иначе говоря, Гитлер начал бы войну против Советской страны в невыгодной для нее обстановке и у него оказался бы хоть какой-то повод возложить ответственность за развязывание войны на Советский Союз.* Именно по этой причине советским войскам не было дано указаний о заблаговременном развертывании своих сил и занятии оборонительных рубежей вдоль западных границ СССР.

И, наконец, еще об одном обстоятельстве. Несправедливое нападение Гитлера на Советскую Россию, несомненно, принесло фашистской Германии временное военное преимущество. Вместе с тем оно имело для нее и отрицательные последствия, ибо перед лицом всего мира раскрыло подлинную агрессивную природу и сущность фашизма вообще и германского нацизма в особенности. Наша же страна приобрела сочувствие и поддержку подавляющего большинства народов мира. Из пособника агрессора, какой ее изображала западная печать, Советская Россия превратилась в самую мощную силу противодействия агрессии. Незимеримо возрос ее политический престиж. В конечном счете, все это и стало в скором будущем фундаментом создания широкой антигитлеровской коалиции.

Ряд исследователей одну из коренных причин наших поражений в первый период войны усматривает в том, что в основе всей военно-политической стратегии Сталина лежала концепция наступления. Мол, он в военном деле признавал только наступление и игнорировал или недооценивал такого вида военных действий, как отступление. Иными словами, его военные взгляды были односторонни и явились одной из решающих причин, в силу которых Красная Армия оказалась неподготовленной к организованному отступлению перед превосходящими

* Обращает на себя внимание тот факт, что гитлеровские заправили придавали большое значение прежде всего дезинформации советского руководства относительно своих планов. Так, вскоре после публикации известного заявления ТАСС от 13 июня 1941 г. Геббельс в своем дневнике записал: "17 июня... Слухи о России приобрели невероятный характер; их диапазон — от мира до войны. Для нас это хорошо, мы способствуем распространению слухов. Они — наш хлеб насыщенный..."

18 июня... Маскировка наших планов против России достигла наивысшей точки.

Мы настолько погрузили мир в омут слухов, что сами в них не разберемся. Новейший трюк: мы намечаем созыв большой конференции по проблемам мира с участием в ней России. Желанная жратва для мировой общественности!" Дневники И. Геббельса. (Электронная версия).

силами противника. Полагаю, что нет особой нужды доказывать, что Сталин был сторонником наступательной стратегии как в политике, так и в военном деле. Однако грубой примитивизацией его подлинных взглядов было бы утверждение, будто он вообще пренебрегал необходимостью овладевать и стратегией отступления. Более того, он не раз подчеркивал необходимость владеть и искусством отступления, когда это вызвано реальным положением дел. Приведу в подтверждение этого утверждения его высказывание от 20 января 1938 г. на приеме депутатов Верховного Совета СССР.

“ЧКАЛОВ. Мы никогда ни перед кем не отступим.

СТАЛИН. Чкалов ошибается. Бывают моменты, когда армия должна отступить. Ленин нас учил, — Ленин, это был такой мужик, левого мизинца которого мы не стоим, мужик, который весь был выкован из нержавеющей стали, — Ленин нас учил, — плоха та армия, которая научилась наступать и не научилась отступать. Всякие моменты бывают, товарищи...

Армия, которая научилась наступать, но не обучена в деле отступления, будет разгромлена. Плоха та армия, которая научилась наступать, но которая не научилась отступать. Вот почему я сказал, товарищи, следуя завету товарища Ленина, нашего учителя, относительно армии”⁵².

Приведенное высказывание вряд ли нуждается в каких-либо комментариях, оно говорит само за себя. Другое дело — и это обстоятельство также нельзя упускать из поля зрения — высшее советское военное руководство недостаточно уделяло внимания проблемам отступления и в основном было поглощено изучением и разработкой наступательных операций. Хотя на военных учениях, в том числе и высшего уровня, прорабатывались и действия отступательного плана. Но тем не менее они, эти действия, находились в тени и рассматривались, скорее, как некое всего лишь дополнение к военной стратегии советских вооруженных сил. Здесь вина высших военных руководителей бесспорна. Но очевидна также и вина самого Сталина, который не проконтролировал выполнение своих же собственных правильных и реалистических положений относительно отступления в общей стратегии ведения войны. Можно предположить, что в первые дни войны ситуация не развивалась бы столь катастрофически для наших войск, если бы этому элементу военной стратегии прежде уделялось должное внимание.

Когда мы ведем речь о коренных причинах поражений наших войск на первых этапах войны, то концентрируем главное внимание на факторах внутреннего характера. Внешние условия остаются как бы в тени. А они, между тем, играли отнюдь не второстепенную роль. На это обратил внимание Сталин в докладе 6 ноября 1942 г. В частности, он акцентировал внимание на следующем обстоятельстве. “Чем объяснить тот факт, что немцам всё же удалось в этом году взять в свои руки инициативу военных действий и одержать серьёзные тактические успехи на нашем фронте?

Объясняется это тем, что немцам и их союзникам удалось собрать все свои свободные резервы, бросить их на восточный фронт и создать на одном из направлений большой перевес сил. Не может быть сомнения, что немцы без этих мероприятий не смогли бы добиться успеха на нашем фронте.

⁵² И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 147.

Но почему им удалось собрать все свои резервы и бросить их на восточный фронт? Потому что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность произвести эту операцию без какого-либо риска для себя.

Стало быть, главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес своих сил на юго-западном направлении⁵³.

Нет сомнений в том, что в аргументации советского лидера содержалась большая доля правды. Однако бросается в глаза, что он всячески пытался преуменьшить серьезность и масштабы наших поражений, хотя успехи немецких войск носили отнюдь не тактический, а глобальный военно-стратегический характер. Какие же это тактические успехи противника, если Красная Армия понесла колоссальные потери и докатилась до Волги-матушки? Вопрос стоял не о каких-то тактических поражениях, а о судьбе Советской России и ее народов. И поистине наивно звучали слова о тактических успехах. Это, во-первых, столь опытный и проницательный политический деятель, как Сталин, будучи Верховным Главнокомандующим, прекрасно отдавал себе отчет в том, что ожидать в 1942 году открытия второго фронта против Гитлера — было большой наивностью. Да, собственно, он и сам все это понимал и всерьез не рассчитывал на такие военно-политические чудеса, которых в реальной жизни не могло быть. Вся его аргументация в связи с отсутствием второго фронта именно в тот период носила в первую очередь характер оправдания неудач и поражений, попытка вселить веру в то, что времена изменятся и дело пойдет к успеху. Бессспорно, присутствовал здесь и определенный политический расчет на то, чтобы еще раз, уже публично, косвенным образом оказать воздействие на союзников, которые, как говорится, совсем не случайно проводили свою линию в вопросах открытия второго фронта. Эта “канитель” составляла существенно важный элемент во всей их военно-политической стратегии, и об этом будет более обстоятельно сказано в одной из последующих глав.

⁵³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 66–67.